

Павел Манштейн

Обман сознания

1

С ножа, что в моей правой руке, капает багровая кровь, прямо на холодный асфальт. Отовсюду доносится собачий лай, где-то слышен вой. Сердце разбивает рёбра сокрушающими ударами, отзываясь боевым гонгом в ушах. Она распласталась по асфальту с перерезанным горлом, из которого ручьём бьёт кровь, превращаясь в огромное красное пятно прямо под ней. Удар сердца — картинка становится максимально чёткой, кажется, что всё замирает. Сердце снова сжимается — тело на асфальте отдаляется от меня.

Я чувствовал страх, когда вскрывал ей горло, сейчас я не чувствую ничего. Всё ушло, а на месте чувств образовалась всепоглощающая пустота, которая вот-вот впитает что-то бесконечно чёрное и липкое.

На ней чёрный плащ, на котором лежат испачканные кровью рыжие волосы. В лицо уже вцепилась собака и недобро смотрит на меня оскалив зубы. Я отстраняюсь и с каждым шагом ухожу от этого места дальше и дальше.

Открываю глаза — чернота. Сердце по-прежнему бьётся о рёбра как бешеное, а гонг в

ушах продолжает свой боевой клич. Постепенно темнота приобретает очертания: потолок, стены, окно, за которым еле-еле видно свет рекламных вывесок. Я снова закрываю глаза в надежде, что кошмарный сон не вернётся.

Летнее солнце раскаляет капли пота на моём теле заставляя их обжигать меня. Я держу Нику за руку, она медленно идёт в ногу со мной и молчит о чём-то своём. Мимо нас проходит пара: парень со снятой футболкой придерживает за талию свою девушку, которая жадно пьёт из бутылки подогретую солнцем воду. Пролетает парнишка на велосипеде с повязанной на пояс футболкой. Кажется, только ему успешно удаётся сбить с тела капельки раскалённого пота.

Мы подходим к остановке, Ника по-прежнему молчит, а я не пытаюсь её разговорить, в молчании нет совершенно ничего плохого. Подходит её маршрутка и она запрыгивает в неё поцеловав меня в щёчку на прощание. Машина трогается и с каждой секундой Ника всё дальше от меня. Увижу ли я её снова? Каждый раз, провожая её на остановку, я думаю: а что, если это была наша последняя встреча?

Открываю глаза. Темно, пахнет выбросами с завода, за окном слышится лай собак. Это обычная

ситуация за окном. Там всегда есть собаки, которые просто лают, и завод, который вечно портит воздух. Я смотрю сначала в черноту, а потом уже в потолок, когда глаза адаптируются к темноте и начинают различать очертания. Я медленно встаю с кровати, сажусь на край, уставившись в стену. Тёмная комната, запах химикатов, лай собак и я, бесцельно смотрящий в стену без ощущения времени. Собаки перекрыли навязчивый шум в ушах. Нет, их я слышу по-прежнему, но уже не так громко. Этот шум, словно звук сломанного радио, которое застряло где-то в голове, и в бесконечном треске радиопомех я различаю еле слышимые голоса. Если прислушаться, то можно даже отличать их друг от друга, только я совершенно не хочу знать, что эти голоса пытаются до меня донести.

Выхожу на балкон и закуриваю. Сигаретный дым на время притупляет работу обонятельных рецепторов, и я не так остро ощущаю всю прелесть местного воздуха, а ещё он помогает сделать радио в голове немного тише.

Чуть правее моего балкона, прямо напротив подъезда собаки загнали кошку под машину. Они пытаются выгнать её оттуда, для них она просто еда, им нет дела до того, что котики милые. Котики вкусные, до этого им есть дело. Кошка шипит, бьёт

одну из собак по носу лапой, а та, в свою очередь, собравшись с силами, пытается засунуть морду под капот машины, но это заканчивается лишь очередной царапиной на морде. Сигарета, обуглившись, обжигает мне пальцы, и я выбрасываю окурок за балкон, пытаясь достать до собак, что загнали кошку. Нет, я не хочу этим самым спасти бедное животное, всё равно это не поможет, просто интересно, доброшу или нет. Не добросил. Возвращаюсь в комнату, ложусь на кровать и закрываю глаза в попытке заснуть. Невидимая рука включает в голове радиоприёмник, и снова еле различимые голоса пытаются до меня докричаться. Я стараюсь забить мысли чем-нибудь другим, не думать о голосах, хотя бы о пингвинах, но эти голоса отчаянно пробиваются сквозь стену радиопомех и заседают занозой в моих мыслях. Я совершенно не хочу знать того, что они пытаются мне сказать. Всё равно ничего хорошего там нет. Я пытаюсь представить кошку под капотом машины, которая держит оборону от голодных собак. Вот какая-то псина снова засовывает морду под капот, кошка героически кидается в неё и разрывает кожу, выбивает лапой глаз. Нет, это не помогает, чем сильнее я пытаюсь отвлечься от голосов, тем громче они становятся. Я почти начинаю разбирать, что они говорят. Я могу расслышать лишь обрывки фраз: «как ты смеешь со мной так разговаривать?».

«и это всё?», «не подходи ко мне!». Я слышу голоса, но не могу понять, чьи они, разве что понимаю, что они женские. Слишком много голосов, чтобы я мог понять, кому они принадлежат.

Снова выхожу на балкон. Сигарета — единственное, что заглушает голоса. Панацея. Собаки по-прежнему пытаются выгнать кошку, всё так же безуспешно. Ничего не изменилось. Голоса затихли, я впервые за сегодня радуюсь лаю собак.

Медленно курю, глубокими затяжками, хочу успокоиться. Кто бы что ни говорил, но сигарета действительно успокаивает. Не всех, конечно, но мне помогает. Это такой рефлекс нервной системы, как у дрессированной собаки. Когда я подкуриваю, в голове нажимается кнопка «успокоение», и мне становится немного легче.

Не дожидаясь момента, когда обугленный фильтр обожжёт мне пальцы, я выбрасываю сигарету, немного не докурив. Снова целюсь в собак, снова не попадаю. Возвращаюсь в кровать, закрываю глаза. Перед глазами появляется какой-то странный восточный узор, вот его начинает обволакивать дымка, теперь по этому узору идёт кошка, которую собаки пытались выгнать из-под машины.

Меня будит лай собаки под окном. Выглядываю, вижу, как соседка выгуливает своего

тойтерьера, который больше напоминает недоразумение геной инженерии. Это подобие добермана решило самоутвердиться за счёт мирно проходящего неподалеку кота. Забавная картина. Идёт кот, спокойно себе идёт по своим кошачьим делам, а на него надрывается дрожащее создание на тоненьких длинных ножках, которое вопреки здравому смыслу называется собакой. Никогда не понимал эти комнатные варианты собаки. Максимум, на что они годятся, — это ловить мышей и то, те скорее от смеха умрут, чем от челюстей этой собаки.

Я закрываю окно, заодно отгородившись от химического воздуха, который идёт с завода, и иду на кухню ставить кофе. Пора просыпаться, несмотря на отпуск. Насыпав в турку немного молотого кофе и залив туда воды я ставлю её на плиту.

Чувствую спиной чей-то взгляд. Не хочу оборачиваться, я прекрасно знаю, что ничего хорошего из этого не выйдет. Взгляд становится всё пристальнее. В затылке образуется жжение, которое только усиливается, сильнее и сильнее заставляя меня обернуться. На правом плече я чувствую ладонь, глаза так и просятся посмотреть в ту сторону. Я всё пристальнее смотрю в кофе. Вот я уже вижу, как маленькие частички молотого кофе начинают двигаться, вода нагревается, скоро кофе

будет готов, осталось совсем чуть-чуть. Я уже чувствую запах, который так привык чувствовать по утрам. Ладонь сжимает мне плечо сильнее, чувствую, как пальцы вонзаются в меня. Я смакую запах кофе, пытаюсь почувствовать во рту его горький вкус. Пытаюсь угадать, насколько крепкий кофе меня ждёт, я ведь даже не пытался отмерить стандартные три чайных ложки, а просто добавил две столовых с верхом. Ладонь сжимает моё плечо до боли, и я вскрикиваю. Оборачиваюсь. Картина с мостиком возле реки, холодильник правее неё, стол, на столе бутылка с выдохшимся пивом.

Наливаю крепкий кофе в кружку и добавляю туда три ложки сахара. Я хочу вдохнуть химические испарения заводов, услышать собачий лай, что угодно, только чтобы быть одному в квартире, где я один. Взяв чашку с кофе иду на балкон и распахиваю окна, закурив сигарету. Ядовитый воздух врзается в ноздри, перебивая аромат кофе — я не чувствую спиной пристального взгляда, лай собак заполняет всю улицу, и ничья ладонь не ложится мне на плечо.

2

Я иду по улице, влажный воздух превращается в изморось, а в спину упирается чей-то взгляд. Словно кто-то невидимый следит за

мной из-за угла, пытается вычислить, куда я иду и на какой остановке выйду.

Я уже в третьей проходящей мимо девушке узнаю черты Ники. Достая сигарету, и уже через несколько секунд ядовитый дым заполняет мои лёгкие. С первыми затяжками я получаю свою дозу облегчения, но это временно, всего лишь на те несколько минут, которые нужны сигарете, чтобы обуглить фильтр.

Я подхожу, над дверью бегущей строкой светятся слова «Социальная аптека». Дверь открывается, и из-за кассы на меня смотрит женщина-фармацевт средних лет. Короткие чёрные крашенные волосы, очки, увеличивающие морщины на веках.

Я протягиваю ей рецепт, не говоря ни слова. Она также молча берёт его, внимательно рассматривает, щурится немного, видимо, очки ей не очень-то помогают, и через минуту уже кладёт передо мной пачку трифтазина на пятьдесят таблеток. Трифтазин — это хороший нейролептик, который оказывает действие ещё и как антидепрессант. Его мне прописал мой лечащий психиатр, чтобы я мог избавиться от галлюцинаций. Дело за малым: спокойно дойти до дома, выпить таблетку и наслаждаться только реальными звуками мира.

Как только я выхожу из аптеки, в затылке

появляется уже знакомое навязчивое жжение. Я пытаюсь идти не оборачиваясь. Под ногами текут ручьи от недавно прошедшего дождя, немногочисленные люди спокойно бредут по улице, делая мир не таким пустым. Солнце пробивается сквозь плотные серые облака, которые обещают вот-вот пролиться на землю дождём. Жжение возрастает, а я стараюсь считать красные машины, которые проскакивают время от времени по дороге, что правее меня. Красная тойота проезжает на большой скорости на жёлтый свет светофора. Жжение усиливается, сердце ускоряет темп, удар за ударом оно разгоняется — вот-вот выскочит из груди, раздробив грудную клетку. Каждый удар сердца раскатистым эхом раздаётся в ушах, словно бьют в гонг, на спине проступает липкий пот. Я оборачиваюсь.

Ника смотрит прямо мне в глаза. Длинные чёрные волосы полностью отдаются капризам ветра, который, поигравшись, укладывает пряди почти на то же самое место, откуда подхватил. Голубые, как летнее небо, глаза смотрят на меня по-зимнему холодно из-под сложившихся осуждающим узором бровей. Тонкие бледно-розовые губы не произносят ни слова, не шевелятся, они застыли под аккуратным вороньим носом. Она словно ледяное изваяние источает холод, по сравнению с которым осенний ветер —

ничто. Я чувствую осуждение, упрёк... Ника. Я помню, как был рад её видеть рядом, чувствовать её запах, видеть её глаза... У неё редкое имя, мне всегда было интересно, что оно значит. Она отвечала, что её имя греческое, оно происходит от Ники, древнегреческой богини победы.

Она всё это рассказывала с по-настоящему тёплой улыбкой, погружаясь в свой рассказ, уподобляясь той самой богине, в честь которой она названа. Но не сейчас. Сейчас я не хочу её видеть. После её смерти всё изменилось. Она стала приходить ко мне и вдавливать взглядом в пустоту, иногда она со мной говорит, и тогда мне хочется лишиться слуха. Ника медленно идёт в мою сторону, шаг за шагом рассекает воздух, сокращая дистанцию. Дрожащими руками я распаковываю пачку таблеток и, не запивая, глотаю одну. Следом за таблеткой идёт сигарета, я пытаюсь смотреть себе под ноги, но её глаза словно приковали к себе мой взгляд. Если я буду стараться её игнорировать, то она исчезнет.

Я знаю, что она не настоящая, её не существует, как и голосов у меня в голове. Это всё плод моего воображения, мои галлюцинации. Но они могут меня убить, они имеют власть надо мной. Между нами остаётся два метра, сердце бьётся в отчаянных попытках сбежать из груди. Рука тушит о тыльную сторону кисти то, что осталось от

сигареты. Мне приходится напрячься, чтобы не вскрикнуть. Поймав себя на том, что мне удалось отвести взгляд, я поднимаю глаза. Её здесь больше нет.

3

Здание, выложенное серым кирпичом, возвышается под грузным серым небом. Это психоневрологический диспансер, в который мне нужно войти. Берёшь ручку двери и тянешь на себя. Всё просто.

Диспансер — это не то место, где лежат больные люди, сюда приходят только на приём к врачу. У них в здании даже стационара нет. Это обычная невысокая пятиэтажка, которая больше походит на старое студенческое общежитие без ремонта. Снаружи серый потрескавшийся кирпич, внутри зелёные стены с отколотой краской.

Когда я пришёл сюда впервые после того, как меня выписали из психиатрической больницы, я сразу ощутил знакомый воздух. Здесь точно так же пахнет медикаментами, у врачей те же холодные гримасы, а на лицах пациентов то же самое отсутствие веры. Я не верил, что я вылечусь, не верю и сейчас, но если я не буду сюда приходить, у меня возникнут проблемы, ведь я состою на учёте.

Я по-прежнему не могу открыть дверь, хотя

другим пациентам это удаётся. Закурив, я смотрю на окна. Окна — важный внешний показатель того, кто из врачей сколько зарабатывает. У тех, чья зарплата не очень, старые деревянные окна, а кто-то себе поставил пластиковые. Пластиковых окон здесь довольно мало, я насчитал всего пять. Но это не единственный показатель. Ещё есть те, кто не ставит пластиковые окна, потому что и деревянные не пропускают сквозняк. Главный показатель — это дверь в кабинет. У моего психиатра это старая дверь, обитая выцветшей кожей. Нет, он не плохой врач, просто за платные приёмы он берёт довольно мало, а у таких как я не всегда найдутся деньги на платное лечение. Мало кто возьмёт на хорошую работу человека, который состоит на учёте в психоневрологическом диспансере. Я бы не взял.

Несмотря на то, что он тратит свои силы на меня практически бесплатно, он искренне пытается мне помочь. Он всегда выслушивает то, что я ему рассказываю, с большим вниманием относится к моим способам борьбы с галлюцинациями. Именно он запретил мне бросать курить, пока я не вылечусь. Сигареты действительно помогают, они заглушают голоса в голове, придавливают эмоциональный фон, возникающий при галлюцинациях. Мой психиатр называет это особенностями психики. Когда я последний его пациент, и торопиться ему некуда, он открывает

окно и закуривает трубку ручной работы, которую ему подарил сын на день рождения. Он и мне разрешает закурить, когда сам курит во время приёма. Он много раз говорил, что это неправильно — разговаривать с пациентом только формально, как положено... Откровенная, душевная беседа с открытым окном и трубкой сильнее располагает к открытости и искренности, он всегда говорил, что он очень старается почувствовать на себе то, что чувствуют его пациенты. Я всегда очень любил эти задушевные беседы, жаль, что они бывают очень редко. Сегодня я у него не последний пациент, и мой приём будет через полчаса, а я как всегда пришёл пораньше, потому что знаю, как долго могу простоять перед дверью диспансера. Вторая сигарета отправляется в урну, и мне удаётся переступить порог. Дальше всё просто. По лестнице на второй этаж и направо.

Не без дрожи в руках я открываю дверь в кабинет психиатра. Он важно смотрит на меня сквозь толстые линзы очков в старой пластиковой оправе и говорит: ну, здравствуй, Андрей, раз ты пришёл, дела у тебя не очень?

Я молча киваю и сажусь в кресло напротив него. Всё так же молчу, не знаю, с чего начать, как сказать ему, что я три недели не принимал лекарство, которое он мне прописал, а снова начал пить только тогда, когда вернулись галлюцинации.

Я чувствую себя виноватым ребёнком, который долго не учил уроки, и теперь ему приходится признаваться в этом перед родителями.

Он сидит за дешёвым поцарапанным столом в кабинете со старыми обоями и смотрит пристально мне в глаза, словно предварительно сканирует. Он ждёт, когда я начну, даёт мне время на то, чтобы я собрался с мыслями, сказал, что меня беспокоит. Я пытаюсь поймать мысль, но она ускользает и смешивается с сотнями других, маскируясь, скрываясь от меня. Пока я пытаюсь выловить мысль, чтобы сказать хотя бы что-нибудь, психиатр нарушает молчание первым:

— Раз ты пришёл, значит, к тебе вернулись галлюцинации... Скажи мне, ты пил трифтазин? — Он складывает руки на столе и немного подаётся вперёд, впиваясь своим взглядом прямо в душу.

— Да... Нет... Последние пару недель я не пил лекарство... Вчера я снова видел Нику, слышал голоса и снова начал пить... — Маленький ребёнок пытается оправдать свою ложь перед родителями. Он знает, что виноват, он понимает, что ухудшил своё положение, но тем не менее надеется на прощение.

— То есть, ты игнорировал прописанное мной лечение, и это дало свои плоды, и ты снова пришёл ко мне, чтобы я выписал лечение, которое ты, скорее всего, тоже просто будешь игнорировать? —

Монотонный голос старика, в меру охрипший. Почти гипнотический эффект, но я уже привык к этому.

— Не знаю... Я не знаю, что делать. Я боюсь, что он снова вернётся. В прошлый раз лекарство его не остановило. — Маленький мальчик сбивчиво оправдывается перед доктором, надеясь, что тот сможет уберечь его от последствий.

— Он с того раза больше не приходил к тебе? Думаю... Прошло столько лет... Твоё подсознание должно было его изжить за это время, как думаешь? Ты чувствуешь его присутствие?

— Я не знаю.

4

Мне было около восьми лет, второй класс, я возвращался из школы домой. Сегодня было всего три урока, а не четыре как обычно. Весеннее жаркое солнце припекало лицо и вдохновляло на то, чтобы после того, как занесу домой портфель, пойти куда-нибудь на пруд и побросать камни.

Я не очень любил гулять один, но сегодня никто не хотел идти на улицу, задали много уроков, конец четвёртой четверти, родители будут ругаться за плохие оценки. Так что мне пришлось просто занести портфель домой и пойти на речку, пока родителей не было дома, и мне никто не мешал

тратить время на себя. Дорога туда была не очень длинная, занимала двадцать минут или около того. Нужно было пройти чуть за жилые дома, там по лесопарку, и вот она — река. Солнце уже припекало, и первые в этом сезоне отдыхающие уже открыли купальный сезон.

Я искал плоские камни, иногда приносил с собой, но всё чаще высматривал на берегу. При большой удаче мне удавалось захватить несколько штук с собой на следующий раз. В этот день мне посчастливилось найти пять. Я взял в руку камешек, гладкий, но местами с небольшими неровностями. Камешек светло-серого цвета отдавал моей ладони всё то тепло, которое только успел вобрать от солнца. Взяв его в правую руку, я встал возле воды, левую ногу вперёд, правую руку отвёл назад, сосредоточился и бросил его. Камешек ушёл под воду, даже ни разу не прыгнув. Слишком острый угол, частая ошибка. Следующий камешек смог прыгнуть один раз, создав небольшие волны на воде, третий смог сделать три прыжка. Недалеко от меня пристроился парнишка с целой горстью таких камушков. Я присмотрелся к его запасам, которые были намного более гладкие и удобные, чем у меня. Он кидал их один за другим, и все они совершали не менее десяти прыжков. Я считал. Как только они у него кончились, он достал ещё несколько из своих бежевых шорт и снова

победоносно с уверенным взглядом отправил их прыгать по воде. У меня такого никогда не получалось. Я старался его обыграть, бросал камешки, но после пяти прыжков они уходили под воду. Он смотрел на это, двусмысленно улыбался, снова бросал камешек и с взглядом победителя оборачивался на меня, когда его бросок удавался в целых десять прыжков. Мне становилось обидно, что кто-то появился на этом пляже кроме меня с этими камушками и ещё так умело меня обыгрывает. Это немое соревнование мне не приносило хорошего настроения.

5

Пока я был у психиатра, погода успела сильно разбушеваться. Ветер старательно пытается затушить огонь на зажигалке, которая должна по задумке создателя поджечь никотиновую палочку. Я стою уже минут десять и пытаюсь прикурить, и всё безуспешно. Несмотря на то, что от трифтазина я вообще туго испытываю эмоции, я начинаю злиться. На короткий промежуток времени, именуемый удачей, ветер сбавляет свой напор и зажигалка поджигает сигарету, прежде чем ветер сделает своё подлое дело. Канцерогенный дым заполняет мою грудную клетку, слабое головокружение в сочетании с лёгкой эйфорией

делает меня немного счастливее, чем я был пять минут назад. Я всё ещё не уйду от этого здания, полного историй психических расстройств. Люди заходят и выходят, почти всегда это нездоровые люди. Те, у кого всё хорошо с головой, сюда не приходят, им это просто не нужно, они и так счастливы. Раскрывается старая деревянная дверь с присущим ей скрипом, и через порог наружу делает шаг бабушка. Очевидно, что больная, была бы здоровая, ей бы не приходилось сюда заходить, чтобы выйти отсюда на моих глазах.

У старушки дёргается правый глаз, он смотрит туда, куда ему захочется, у него самостоятельное мышление, он сам решает, куда смотреть. Меланин давно покинул радужную оболочку этого глаза. Самое жуткое, что левый глаз просто смотрит на меня. Она выходит и останавливается, смотрит куда-то рядом со мной, а правый глаз продолжает изучать окружающий мир. Старушка медленно идёт в мою сторону, прихрамывая на правую ногу. Кажется, у неё вообще проблемы с правой стороной тела. Останавливается напротив меня, правый глаз фокусируется на мне. Холодный и мёртвый самостоятельный глаз смотрит на меня так пристально, что по телу пробегают мурашки. Он больше не крутится по своей орбите, он смотрит именно на меня, повторяя фокусировку за левым

глазом. Мне хочется убежать, развернуться и бежать подальше — куда-нибудь, где этот глаз не сможет сверлить меня насквозь. Её дряхлые старые синеватые губы произносят полумёртвым голосом:

— Дорогой, у тебя не найдётся на билетик на автобус? Мне старой тяжело идти, далеко... Помогите, пожалуйста... — Я молча тянусь в карман за мелочью, не могу отвести взгляд от этого глаза. Он смотрит на меня по-своему, не так, как эта бабушка, у него отдельная жизнь, своё сознание, свои цели, он хочет раздавить меня морально, заставить бояться. Рука протягивает ей почти всю мелочь, которая нашлась в моём кармане, она берёт и благодарит меня. Как только маленькие монетки касаются её синеватой кожи, глаз снова начинает вращаться вокруг своей оси, иногда на чём-то останавливаясь, но не более чем на долю секунды.

Старушка уходит, а я только замечаю, что пока она у меня спрашивала «на проезд», сигарета превратилась в пепел. Я подкурил новую и, обнаружив, что денег на маршрутку у меня не осталось, избрал пеший вариант возвращения домой.

Лужи, деревья прогибаются под набором сильного ветра, небольшой мелкий дождик, который даже не может разглядеть глаз, промочил меня почти насквозь. Я иду, промочив все ноги, но я не боюсь заболеть. В последнее время я вообще

мало чего боюсь из того, что может меня убить. Смерть — не самое ужасное, что может со мной приключиться. Галлюцинации, то, что они могут сотворить с моим разумом, гораздо страшнее биологической смерти.

Я иду через мемориальный парк хотя мог пройти немного короче, но мне захотелось прогуляться именно здесь, я всегда очень любил это место. Здесь похоронены многие ветераны Второй Мировой Войны, многие из них стали героями посмертно. Рядом с парком настоящее кладбище, большое. Оно красивое — в отличие от простых кладбищ за этим действительно следят. Только по странному совпадению рядом с этим мемориальным кладбищем находится онкологический диспансер, прямо окнами смотрит на могильные грядки. Ирония грядущих перспектив.

Я подхожу к колоннам, они выстроены буквой «п», наверху колокола, которые никогда не звонят, но красиво заканчивают памятник. Недалеко от колонн, левее меня, стоит девушка, фотограф. Перед ней штатив и закреплённый на нём фотоаппарат, она осторожно крутит ручку штатива и перемещает фотоаппарат то выше, то ниже, другой рукой осторожно, вымеряя каждый миллиметр, крутит объектив. Я прохожу мимо колонн, где-то левее раздаётся женский голос:

— Молодой человек, если вам не сложно, вы могли бы не уходить, а встать хотя бы ненадолго между колонн? Ну, пожалуйста... — Я поворачиваюсь в её сторону, пытаюсь натянуть на лицо подобие улыбки, как это обычно получается у шизофреников, и встаю между колонн, не говоря ни слова.

Затвор фотоаппарат издаёт щелчок, а штатив вместе с камерой приближается ко мне. Её бледные руки быстрее крутят объектив.

Два кадра в секунду, чтобы наверняка. Почти минуту я позирую на волонтёрских основах. Она снимает фотоаппарат со штатива и быстрым шагом подходит ко мне, показывает снимки. Там я стою между двух колонн — чёрный силуэт, лица не видно, — сзади меня — начинающие желтеть деревья, серое небо, пролетающая на его фоне чёрная птица... Она так показывает мне порядка десяти снимков, которые отличаются друг от друга только тем, что где-то я между колоннами ближе, а где-то дальше, ну и, конечно, не везде запечатлелась птица, а только на одном снимке, который она показала мне первым. Она поднимает взгляд на меня. Из-под чёрного, промокшего насквозь капюшона показывается бледноватое лицо, писаное строгими чертами, тень от капюшона, падающая на её бледную кожу, делает её чуть загадочнее, чем это было, когда она

смотрела на меня через линзы объектива. Мягко-карий взгляд наполненных меланином глаз, восторженный от получившихся кадров, смотрит куда-то сквозь меня, словно я призрак, она смотрит ровно на то, что находится за моей спиной, но он, взгляд, не холодный, живой, настоящий. Тонкие губы, выделенные бледно-розовой помадой, произносят:

— Молодой человек, а вы не могли бы мне ещё немного попозировать вон там? — Она указывает пальцем в сторону кладбища, где лежат ветераны, горит вечный огонь. Всегда мечтал позировать рядом с кладбищем, жаль, что у меня только рак не нашли. Я отвечаю:

— Хорошо, мне всё равно особо делать нечего, — и я иду за ней туда, куда только что указывала её рука.

6

Я давно не убирался у себя в коридоре, что видно по почти сантиметровому слою пыли. Он везде: на обуви, которую я ношу довольно редко, на полках, под ними. Если провести здесь пальцем, то на нём будет чёрный густой комок пыли. Я ставлю кроссовки чуть левее обувной полки — пыль там не успевает осесть, потому что эти кроссовки у меня самая популярная обувь.

Я прохожу на кухню и вдыхаю запах плесени. Хлеб, который уже отправляется в мусорное ведро. Закопченная турка, которую я также давно не оттирал от копоти стоит на столе. Я беру её и засыпаю туда две чайных ложки помолотого пару дней назад кофе, наливаю воду, а потом ставлю её на плиту. Главное, не забыть выпить вечером трифтазин, остальное мелочи. На воде появляются маленькие пузырьки, она приобретает тёмно-коричневый, почти чёрный цвет, образуется кофейная тёмно-бежевая пенка и характерный аромат наполняет кухню. Кофе закипает, я снимаю его с плиты и даю пенке осесть, потом кипячу ещё раз, и ещё. Этот способ заварки называется «Кофе по-турецки».

Пройдя с горячим кофе в комнату и усевшись на диван, я замечаю на стене старую фотографию. Всё, что я могу, это снять и убрать её куда-нибудь подальше. Я не хочу её видеть, на ней всё то, чего у меня больше нет. Может быть, я бы и хотел её выбросить, но не смогу.

На фото четыре человека, ровно половины из них уже нет в живых. На выцветшей глянцевой фотобумаге за пыльным стеклом стоит мой отец в военной форме, на груди три ордена, не знаю каких, я не разбираюсь в военных делах. Отец левой рукой обнимает мою маму, она так устало и уютно улыбается, карие глаза, тёмно-каштановые волосы с

небольшими кудрями. Мама левой рукой обнимает за плечо стоящего перед ней Стаса, моего брата близнеца. Он серьёзен, гордость семьи, спортивного телосложения, не накачанный, но заметно, что он занимается спортом, взгляд уверенного в своём будущем человека, глаза будущего военного. Героя. В другом конце фотографии отец небрежно держит меня за плечо правой рукой, на фото я в чёрной футболке, синих джинсах, волосы сантиметров, наверное, двадцать, чёрные, густые, отец это очень не любил. Стыдился меня, говорил, что мужчина должен выглядеть иначе, приводя в пример бритого почти под «ноль» Стаса.

Мне не хватает мамы, но не могу сказать, что скучаю по брату. Отец возлагал на него большие надежды, он мечтал, чтобы мой брат тоже когда-нибудь стал генералом, усыпал себе орденами и медалями грудь, в военном кителе приходил к старику отцу и пил с ним суровый армейский чай, обсуждал военные будни.

Мечтам не суждено было сбыться. Стас окончил колледж по специальности «мастер-краснодеревщик» и по наставлению отца сразу же отправился в военкомат. Отец похлопотал, чтобы его сын попал в хорошую военную часть, с отличными условиями, но не писарем, ведь ему нужно было вырастить настоящего мужчину,

который смог бы достойно продолжить военную династию. В отличие от меня.

Всё пошло не по плану, когда Стас вызвался добровольцем в Чечню, где в тот момент шла локальная война. Он надеялся вернуться оттуда с медалью героя, зайти домой с сумкой на плече и, расставив ноги смотреть на глаза отца, которые переполняла бы гордость. Но не вернулся. Вернулся его жетон.

Костя, его сослуживец, рассказал мне как погиб мой брат. Несмотря на то, что я никогда не испытывал к Стасу братских чувств, мне стало жаль, что всё так вышло. Стас сопровождал БТР на дороге, что пролегала между гор. В один прекрасный момент, моего брата не стало. БТР наехал на противотанковую мину, и она рванула. От БТР остался водитель инвалид, у которого нет обеих ног и левой руки по локоть, и обгоревший корпус. От Стаса остался жетон, ошмётки военной формы и кровь на песке.

Костя потерял ногу. Он шёл довольно далеко от злосчастного БТР и взрывная волна его не так задела, за то задел осколок то ли мины, то ли самой подорвавшейся машины. Он перебил артерию на левой ноге. Её вполне можно было бы спасти, если медицинская помощь не была оказана так поздно. Всё, что сделали на месте — перетянули ногу, чтобы он не истёк кровью. Пока его доставили до

заставы, где был врач, жара и грязь сделали своё дело — гангрена. Ногу пришлось ампутировать, чтобы хотя бы спасти ему жизнь.

Костя единственный военный, к которому я хорошо отношусь. Он не пытается заставить жить весь мир по уставу и доказывает, что он лучше кого-то потому что служил. Например, я не служил. Возможно, это потому, что армия забрала его ногу, лишила возможности начать отношения с девушкой и гулять с ней по парку. Он не может выйти прогуляться просто потому, что ему хочется. На костылях далеко не уйдёшь.

В кармане джинсов раздаётся вибрация и я встаю с дивана. Неизвестный номер — отвечаю, прижав щекой телефон к левому плечу и, снимаю фотографию. Я молчу до тех пор, пока женский голос не говорит:

— Привет, это я, Ирина. Ты как завтра согласен попозировать мне в студии? Я придумала интересную тему для фотосессии.

— Я не против. Как раз хотел немного развеяться, а во сколько встречаемся и где? — Она называет мне фотостудию, адрес и как туда добраться, а я выдвигаю полку в тумбочке и убираю фото в кучу вещей, которыми не пользуюсь уже несколько лет.

Я шёл из школы, это был самый ужасный день, который только фантазия тринадцатилетнего подростка могла себе представить. Я не знал, как теперь, после этого смогу появиться в школе, прийти туда, снять куртку в раздевалке, поздороваться с одноклассниками. Сказать «здравствуйте, Елена Владимировна» классному руководителю, сесть за свою парту и выложить тетрадь с пеналом. Этот день изменил моё отношение к этой школе, ко всему, что я называл «моя школа». Я не испытываю ненависти к этому человеку, я не хочу ему зла, меня так не воспитывали, я рос в христианской, военной семье, моя мама очень верующая и я тоже. Я верил в Бога, я ходил по воскресениям в церковь.

Всё началось в полдевятого утра, как обычно. Первый звонок, урок математики, на котором я за непониманием предмета сидел на последней парте и рисовал всякую всячину в своей клетчатой тетради. Из-за этого я покупал ручки каждую неделю. Семь или восемь дней и каждая ручка заканчивалась. Мои тетради были больше похожи не на тетради по математике или биологии, а скорее на сборник начинающего и неумелого художника.

Последним был урок труда. Мальчики направо, девочки налево. Половое разделение труда. Девочкам было строго настрого запрещено

входить в этот кабинет. Учитель труда мотивировал это тем, что женщинам нечего делать среди мужских инструментов. На уроке он показывал нам, как сделать узор из объёмных треугольников на любой ровной деревянной поверхности. Для этого нужен был резец, карандаш и линейка. Вспомним уроки геометрии, черчения и начертим на ровной деревянной поверхности две параллельные линии, а их соединим короткими линиями под углом примерно в сорок пять градусов. Получатся такие начерченные треугольники. Далее по рисунку вдавливается резец с одной стороны, потом с другой и продавливается рисунок. Получается объёмный треугольник. Объёмный внутрь, впалый, если можно, так сказать.

Когда прозвенел звонок и все ребята быстро собрали вещи и побежали домой, меня учитель попросил задержаться. Он сказал, что мои треугольники недостаточно правильные, недостаточно ровные, слишком разные, чтобы это можно было считать выполненным заданием. Маленькая деревянная дощечка лежала на моей парте перед глазами с неровными треугольниками, рядом с ней был резец, карандаш и то, что осталось от ластика. Набор трудящегося, атрибут начинающего столяра, начало начал будущего деревообработки.

Преподаватель проверил работы только двух

человек, но отпустил всех, он сказал, всем идти домой, а мне остаться. Учитель труда был мужик ростом около ста восьмидесяти, лысый, гладкая кожа, но настолько лысый, что, если провести по его голове рукой, могло показаться, что это страусиное яйцо. Под носом были густые рыжеватые усы, а под ними натянутая улыбка преподавателя бесполезной самозащиты. Например, он утверждает, что при взрыве атомной бомбы нужно держаться в подвалах и перебираться в сторону, противоположенную взрыву. Только это бесполезно. Не успев прочитав справку по выживанию в тетради по ОБЖ — ты уже превратишься в жаркое.

Он положил мне вспотевшую руку на плечо, от которой странно пахло, и проговорил, всё-ещё находясь у меня за спиной:

— Сейчас я научу тебя, как правильно вырезать эти треугольники, это просто и интересно. Тебе понравится.

Он отошёл куда-то из самого класса, сказал, что ему нужно взять свой инструмент, чтобы показать мне, как правильно вырезать треугольники. Через минуту или полторы выключился свет. В темноте сильнее ощущался запах древесины, пыли, нагретых станков, подгоревшего масла на шестерёнках. Окна всегда

были закрыты чёрной натянутой тканью. В этом кабинете свет всегда был только от лампы накаливания. Учитель вернулся с пустыми руками, он взял дощечку левой рукой, протянув её через моё плечо, а правой стал медленно резцом попадать в треугольники. В полной темноте.

Он сказал, что отключили свет, но настоящий мастер и на ощупь сможет исправить некачественную работу. Он всё рассказывал мне, что можно не смотреть на то, что ты делаешь, но нужно чувствовать работу. Стать с ней единым целым. Его левая рука немного тряслась, я не видел этого, но чувствовал это плечом, которое он задевал предплечьем. Я сидел и старался не шевелиться, я боялся, что порежусь обо что-нибудь в такой темноте, слушая учителя я пытался понять, почему отключение электричества никак его не остановило?

Я учился у него только месяц. Новый учитель, новая школа. Недавно я был отчислен из лицея, а в кадетской училище меня тоже не взяли на досаду моему отцу.

Правой рукой он взял меня за запястье и куда-то потянул. Я почувствовал ладонью что-то влажное, тёплое и продолговатое. Это был его член. Я резко встал оттолкнув его. Я не видел, куда он упал, но шума было много. Кажется, он упал на какую-то парту и свалил её. Я бежал из этого

кабинета по темноте, а когда выбежал из него, в школе горел свет. Это он его выключил, это был только его спектакль с одним зрителем, который по задумке должен был принять участие в этом представлении для узкого круга лиц.

В этот кошмарный день я уже подходил к дому. На лавочке возле соседнего дома, мимо которого я проходил, сидел молодой парень, примерно моих лет. Он был в бежевой олимпийке поверх белой футболки, синих джинсах и кедах, чёрные волосы, средней длины, сантиметров пять. Он окликнул меня по имени:

— Андрей, ты тоже что ли пострадал от этого старого педофила? Как на счёт того, чтобы проучить этого озабоченного гада? — Он говорил как говорят старые друзья или одноклассники вытерпевшие друг друга одиннадцать лет.

Это был тот самый парень, который кидал тогда на озере камни. Когда я был ребёнком, я бросал камни лягушками в воду и он, именно он меня обыграл в том немом соревновании. Он говорил, что знает, как нужно отомстить.

8

Утро не обещало быть тёплым, так сказали в вечернем прогнозе погоды на «завтра», то есть на сегодня. Вчера это ещё можно было назвать завтра,

но сейчас это пасмурное сегодня с похолоданием на три градуса. Они действительно ощущаются под влиянием ветра в тандеме с дождём. Я иду к Косте. Он позвонил мне час назад и попросил помочь добраться ему до больницы. До той больницы, где я почти могу сесть с чипсами и пивом перед телевизором. Настолько я там как дома.

До вечера, то есть до встречи с Ириной у меня достаточно времени, около одиннадцати часов. Костя тоже посещает психоневрологический диспансер. Нет, он не шизофреник как я, он не слышит голоса, у него нет галлюцинаций и даже навязчивых мыслей. Большую часть времени он вполне себе дееспособный инвалид, но, если где-нибудь на стройке упадёт балка или неподалёку кто-то из рабочих будет отбивать отбойным молотком асфальт — он просто упадёт на землю, он будет кричать, лёжа на земле обхватив руками затылок.

У него контузия. Он её получил в тот же момент, когда моего брата разорвало на части. Я знал его задолго до армии, в своё время мы с ним дрались, потом дружили и снова дрались. Он повзрослел и попал в армию. В одну роту с моим братом. Мой отец постарался, чтобы его сын со своим другом служили оба бок о бок. На самом деле увечье Кости, и смерть моего брата имеют общую основу. Оба хотели быть героями, оба

хотели отличиться на бессмысленной войне ни за что. Им обоим хотелось приобрести статус героя, ветерана войны, что уже поднимало бы их в глазах окружающих. Они могли бы рассказывать девушкам, как они отстреливались от террористов, как там было тяжело, что они были в шаге от смерти, что они настоящие мужчины, которым ничего не страшно. Они бы много чего могли. Дело в том, что от моего брата остался только жетон, а Косте отрезали левую ногу выше колена из-за гангрены. Слава, героизм. Первому бессмысленная война обеспечила два квадратных метра земли на кладбище, а второй был вынужден перейти на костыли и инвалидную коляску.

Подойдя к дому Кости, я звоню в домофон. Сейчас кто-нибудь должен открыть. Открывает его мать. Мне подниматься недалеко — первый этаж. Его мать специально обменилась с соседями, даже вроде доплатила им, чтобы сыну была легче подниматься домой. Дверь открылась и в дверном проёме застыл Костя опёршийся на дверной косяк:

— Привет, рад тебя видеть. Как там у тебя дела? Ты вылезл? — Он действительно искренне интересуется, ему действительно не безразлично, как моё состояние. Он не спрашивает ради приличия и никогда не спросит «как дела» только потому, что так положено.

— Да всё в порядке, снова на трифтазин.

Жизнь удалась, ты готов?

Он кивает и отходит от двери, освободив проход мне. Сейчас мне нужно выкатить инвалидную коляску к подъезду, помочь Косте спуститься вниз и усадить его туда. На улице небольшой дождь и по моей просьбе Костя надевает непромокаемый плащ. Как только Костя выбирается из подъезда не без моей помощи, я усаживаю его в коляску. Мы едем, точнее, я его везу. Костя делится со мной планами на будущее:.

Он хочет найти девушку, такую, которая полюбит его за внутренний мир, а не за деньги его отца. Красивую, умную, которая будет с ним гулять, которой будет не стыдно рассказать подругам о том, что её парень инвалид. Пусть инвалид, но ветеран, герой. Так ещё и утопист, романтик. Добравшись до психоневрологического диспансера, мы оставляем коляску внизу и отцепляем от неё костыли. Дальше он сам.

Мы, точнее он, поднимается на второй этаж, а я просто рядом шагаю по ступенькам и слежу за тем, чтобы он и вторую ногу по неосторожности не потерял. Четверть часа очереди, тридцать минут ожидания его из кабинета психотерапевта, потом те же полчаса минут у невропатолога. Единственное, что я боюсь, это встретить кого-нибудь из знакомых психиатров, особенно своего, который меня лечит. Он не сможет просто так пройти мимо

и не спросить, как я себя чувствую с вытекающими уточняющими вопросами.

Смотрю на часы, с момента, как я забрал Костю из дома, чтобы доставить до врачей, прошло около двух часов. От одиннадцати часов у меня осталось девять. На самом деле девять часов и четыре минуты. Через этот промежуток времени, который неизвестно чем заполнится, мне нужно быть возле фотостудии. Костя всё-ещё сидит в кабинете у врача, я достаю телефон и набираю Ирину. Спрашиваю только, что мне нужно знать и, может быть, надеть. Она рекомендует сделать выбор на кожаной чёрной куртке, чёрных, или на плохой случай синих джинсах, чёрной рубашке. Всё есть, кроме чёрных джинсов. Остальное при мне, точнее, при моём гардеробе. Восемь часов пятьдесят семь минут — времени достаточно, но одновременно оно уходит и в определённый момент может оказаться, что его почти нет.

9

На часах без пяти восемь, значит, через час, а с поправкой на опоздание Ирины, которая будет меня ждать — через час двадцать мне нудно быть в фотостудии. Это совсем рядом с домом. Выйти из подъезда, налево, потом ещё раз налево и прямо. Пятнадцать минут неторопливой походкой и

несколько минут ожидания.

На столе кофе наполняет ароматом комнату, делает воздух мягче, по телевизору дикторша рассказывает, что пойман педофил, на счету которого несколько десятков совращённых детей. Его показывают сидящим в камере СИЗО, он лысый, лицо изрезано морщинами, пожелтевшие от долгого курения усы. Типичный портрет добродушного соседа, который утром выходит гулять с собакой. Он смотрит вниз, просит убрать камеру, закрывается ладонью. Я знаю этого человека, это мой преподаватель обеспечения безопасности жизни поймавший ВИЧ от восьмиклассницы в моей школе. Ирония судьбы. Чего точно не хватало на его уроках, так это лекций о необходимости контрацепции, которой не лишним было бы воспользоваться и ему. Когда он стягивал трусики с школьницы, преподаватель совершенно не подозревал, что вместе с сексом она подарит ему букет из одного цветка, который вянет вместе с одаряемым.

Место съёмки меняется, теперь это кабинет директора. Молодая женщина, блондинка, видимо, она пришла уже после меня. Она комментирует произошедшее, как самый настоящий кошмар, недоразумение. В её словах чувствуется, что они были составлены заранее и я не удивлюсь, если журналист сам подсказывал ей как лучше

сформулировать сказанное.

Теперь на экране снова дикторша, она подводит итоги: преподавателя-педофила приговорили к пяти годам заключения в колонии строгого режима с поправкой на психическую невменяемость. Мне оказалось всё равно, я не испытал радости или сожаления по этому поводу. Со мной он не смог сделать ничего такого, что могло бы заставить меня стыдиться произошедшего.

Холод взял тайм-аут, на улице заметно теплее, чем было вчера. Ясное небо, покрытое звёздами, никакого ветра. Мне даже немного жарко в кожаной куртке и чёрной рубашке под ней. Я оделся ровно так, как просила Ирина. Что ж, она фотограф, она так видит.

На небе я нахожу созвездие большой медведицы. Удивительно, что звёзды так хорошо видно в девять вечера, это большая редкость. Пока я рассматриваю звёзды, стараясь не врезаться в пешеходов я замечаю, что уже пришёл и даже раньше на пятнадцать минут.

Осматриваюсь, Ирину нигде не замечаю. За то замечаю пьяный крик. Рядом со студией, в этом же здании, чуть правее крыльца, на цокольном этаже находится бар. Не слишком дорогой, чтобы сильно ограничивать себя в горячительных напитках, но и недостаточно дешёвый, чтобы собирать всех

подряд за своей стойкой. Двое мужчин вышли покурить, солидные такие, пиджаки нараспашку, рубашки с расстёгнутыми верхними пуговицами, у одного галстук висит, а точнее болтается чисто символически, второй таких атрибутов важности, судя по всему не носит. С ними женщина, молодая, лет, наверное, двадцать семь. Они её по очереди ощупывают на предмет сексуального возбуждения, а она делает вид, что стесняется. Это такой вид пьяного флирта сразу с двумя партнёрами. Не знаю, как вечером они делить будут входы в ней, но она, судя по всему, уже ожидает ночь.

Сзади на плечо мне ложится чья-то рука. Я уже по привычке понимаю, что ничего хорошего это мне не обещает. Оборачиваюсь. Это Ирина. В темноте и без своего капюшона она выглядит симпатичнее. Интересно, дело в темноте или капюшон ей просто не идёт? Она приветствует меня словами:

— Ну что, пойдём пробовать тебя в роли демона современного мегаполиса, как тебе идея, а?

Я отвечаю ей, что, быть может, она не далеко от истины и мы проходим в студию. Пока она достаёт фотоаппарат, настраивает, попутно рассказывает мне, как в маршрутке поругалась с водителем из-за того, что он не хотел давать ей сдачу.

Она расставляет вспышки с софт-боксами так, что свет от одного источника освещает моё лицо слева полностью, а справа на щеке, чуть ниже глаза даёт треугольник. Ирина сказала, что это называется «Рембрандт». Сзади она поставила такую же студийную вспышку, но только без софт-бокса, просто вспышку, без всего. Она сказала, что это называется «контровой» свет, чтобы на чёрном фоне мои чёрные волосы не потерялись. Этот свет должен их подсветить, выделить, да и не только волосы, весь мой силуэт в целом.

Я стою так, как она мне сказала. Плечи ровно, немного в пол оборота относительно объектива фотокамеры, лицо немного повернуто вправо и смотрит вверх. Всё, как она мне сказала, я пытаюсь вжиться в образ демона современного мегаполиса.

Несколько вспышек бьют по глазам, на нескольких снимках вместо задуманного образа стоит зажмурившийся человек недовольный происходящим. Но, как она сказала, хорошие снимки получились тоже. Ирина переставляет меня, трогает руками моё лицо и поворачивает его на полградуса то в одну, то в другую сторону. У неё очень нежные руки, от них приятно пахнет персиковым ароматом. Наверное, она пользовалась кремом для рук, который пахнет персиками.

Потом она говорит: сделай полшага вправо,

или влево, правую ногу выставь чуть-чуть вперёд, посмотри на меня исподлобья. Вспышка за вспышкой, у меня в глазах всё мигает и плывёт. Вспышка не только слепит, но и оставляет на сетчатке отпечаток того, что ты видел во время этой вспышки. Я видел Ирину. В какую сторону я бы не посмотрел, я вижу прозрачный, её немного красноватый силуэт. Я не удивлюсь, если выяснится, что фотомодели имеют проблемы со зрением.

В дальнем углу студии, левее меня, там, где Ирина оставила вещи, а я куртку, я вижу тёмный едва различимый силуэт. Силуэт не был похож на девушку с фотоаппаратом, он сидит и смотрит на меня. Я узнал его, это Лео. Трифтазин ему не страшен, хоть и не позволяет разгуляться. Он снова пришёл, а значит, всё пойдёт кувырком, если я не придумаю способ от него избавиться. Пока мне не удавалось от него отделяваться, он всегда уходил сам, когда захочет. Я говорю Ирине, что мне нужно в туалет и не дождавшись ответа добегаю до администратора. Я спрашиваю у него, где можно найти туалет, он показывает пальцем в сторону и говорит: прямо, увидишь дверь, тебе туда. Захожу в туалет и запираюсь. Нет, это не зов природы, это сирены моего психического здоровья снова забили тревогу. Ирине вовсе не обязательно знать, что я пью нейролептики. В зеркале кто-то проходит

прямо за мной, хотя сюда никто не заходил. Это он. Я быстро достаю таблетку трифтазина, немного подумав, достаю ещё две и запиваю обе водой из-под крана.

Ирина делает последний снимок, говорит, что на сегодня достаточно меня помучила. Она предложила как-нибудь встретиться просто так, без повода. Я согласился.

10

Я стою где-то вне пространства, не существую, не занимаю какого-то места в реальности. Меня нет, я выдумка, фантазия самого себя, проекция собственного больного подсознания, которое само себе выдумало. Которое не существует. Много людей, очень много людей, кого-то из них я узнаю. Отец, Мама, Брат, они все идут за людьми, которые несут деревянный гроб. Гроб сделан из потрескавшегося дерева, пропитанного влагой, весь в пятнах, сколы на углах.

На пути этих людей чёрный кованый забор, старый, немного покосившийся из-за корней деревьев, которые в буквальном смысле его выломали из земли. Дальше, там за этим забором темнота. Ветки, а за ними ничего не видно. Воздух

затхлый, влажный, словно вокруг стоят болота с протухшей водой. Он наполняет мою несуществующую грудь, я чувствую, как выдуманная грудная клетка заполняется чем-то очень тяжёлым, как свинец. Я выдыхаю углекислый газ, в котором, по идее, должен оставаться определённый процент кислорода.

Солнце ярко светит, но я не чувствую его тепло, хотя почему-то знаю, что оно очень горячее, раскалённое. Там, за восемь световых минут от моей несуществующей точки расположения. Оно излучает жар и согревает этих людей, несущих гроб, раскаляет кованый забор неподалёку от них, согревает воздух.

Они о чём-то между собой говорят, их голоса превращаются в эхо, которое обволакивает меня, словно плющ дерево. Я не могу осмотреться или сфокусировать взгляд на чём-то, кроме этих людей. Они — единственная нить, которая удерживает моё сознание здесь. Пока они не заходят за чёрный забор — за ним ничего не существует. Они подходят к этому забору, а я словно воздушный шарик на веревочке плыву за ними по воздуху.

Чем ближе они подходят, тем больше забор начинает походить на покосившиеся ворота, которые здесь стоят третье столетие. С одной стороны они вросли в землю, с другой, просто болтаются в воздухе. Скрипят.

Помимо тяжести в воздухе появляется холод, словно он наполнен микроскопическими частичками льда. Если бы у него был цвет — я бы сказал, что он белый, словно льды Антарктиды, но с лёгким оттенком синего.

Люди доходят до могилы пустой могилы. Там ещё никого нет, нет мертвеца, для которого уготована эта ячейка архивации усопшего разума.

Два человека, которые несли гроб, ставят его рядом с могилой на лавку. Я вижу их лица, но не могу рассмотреть очертаний, словно они просто эскиз реальности, недорисованная детская картинка, незавершённая фантазия.

Отец подходит к гробу, закуривает и смотрит в него, рядом брат, положил руки на край гроба и тоже смотрит внутрь. Одной рукой он трогает мертвеца, который там лежит. Я не вижу того, кто в гробу. Я просто знаю, что он не пустой. Мама стоит и плачет, вытирает глаза платком. На голове у неё чёрный платок, она в чёрном пиджаке, чёрных брюках, чёрных туфлях. Траурная униформа.

Воздушный шарик тянут за ниточку и я перемещаюсь подобно ему, я вижу перед собой лица тех, кто нёс гроб, но их лица по-прежнему выглядят как незаконченный рисунок.

Отец смотрит прямо на дерево, что за мной, а потом делает шаг к нему так, словно я невидимый и неосязаемый призрак. Меня нет, я не существую, я

проекция собственного разума, который придумал сам себя и поверил в эту иллюзию существования.

Лицо отца старше, чем я его помню, оно изрезано морщинами, пожелтевшая кожа, морщины глубокие, жёсткая седая щетина, потухший взгляд. Он отходит в сторону и успокаивающе обнимает маму, брат по-прежнему смотрит в гроб, рядом с которым я через мгновение оказываюсь. Воздушный шарик потянули за ниточку.

В гробу лежит человек с белым лицом, волосы чёрные, почти до кончика носа, небритый, он одет только в грязную чёрную футболку, синие джинсы в тёмно-бардовых пятнах. На правой руке, чуть ниже сгиба локтя на внутренней стороне глубокий зашитый порез. Лицо этого человека — эскиз, незавершённая фантазия. Я смотрю в этот эскиз, мой несуществующий разум дорисовывает черты. Под глазами невидимой кистью дорисовываются складки, синяки, белки глаз приобретают умершие капилляры, в радужную оболочку невидимый художник возвращает меланин, и они становятся голубыми. Тонкие, медленные, осторожные мазки вымышленного художника прорисовывают зрачки, потом блеск неба в них. Нос приобретает объём, плоские губы медленно обрастают тонкими трещинами, каждая из них осторожно проявляется в этом наброске лица. Синие губы приобретают объём. Теперь придуманный художник

прорисовывает марионеточные складки лица. Над тонкой линией складки, которая постепенно проявляется, я начинаю видеть кисточку, которая становится всё более и более полноценной. Проявляется рука художника, но я не смотрю на его руку. Он дорисовывает моё лицо. Я начинаю понимать, что это моё лицо было эскизом, которое этот кто-то дорисовал невидимой кистью. Это я умер, это меня хоронит мой отец, это по мне скорбит моя покойная мама, это меня трогал в гробу погибший брат.

Мой взгляд неосознанно поднимается независимо от моего желания, воли. Я вижу перед собой его. Человека, которого я видел в фотостудии, человека, который появился в моей жизни и испортил её. Это Лео. Мой несуществующий собеседник, такой же несуществующий как я. Его точно также нет, как и меня. Мой разум придумал сам себя и поверил в это, потом от него отслоилась взбунтовавшаяся часть фантазии, и появился Лео. Он смотрит на меня безучастным взглядом. Ему всё равно, ему безразлично. Кажется, он смотрит не на меня, а сквозь меня. Он более реален, чем я сам. Фантазия моего выдуманного сознания более осязаема, чем оно само. Картина реальнее художника, скульптура правдивее скульптура. Я его создал, но он есть, а меня не существует.

Лео медленно завершает моё лицо, каждый раз, осторожно прорисовывая каждую складку, каждый изгиб, каждый недостаток кожи. Он завершает моё лицо. Лицо меня лежащего в гробу. В нём выгляжу реальнее себя, наблюдающего за собственными похоронами.

Мой гроб опускают в могилу, погружают на два метра ниже уровня жизни, ниже того уровня, на котором ещё есть живые, невыдуманные люди. Моё только что дорисованное лицо закрывается крышкой гроба и опускается глубоко в чёрную яму... Оно дорисовывалось только ради того, чтобы быть похороненным безликими гробовщиками.

Чернота, в ушах гонгом раскатываются удары сердца, адреналин наполняет мои вены. Я ошупываю своё тело, пытаюсь потрогать его, ущипнуть, сделать себе больно, убедиться, что я живой, что я только что проснулся, что я настоящий, существую. Что я не придумал сам себя, что я есть и не нужно ничего придумывать, чтобы просто быть. Я дотягиваюсь рукой до стола рядом с диваном, достаю оттуда пачку сигарет, зажигалку и закуриваю прямо в постели. Никотин наполняет лёгкие и немного меня успокаивает. Сердце постепенно возвращается к своему привычному для него ритму, дыхание замедляется до нормального темпа. Я живой, настоящий. Я существую.

Ночью мне так и не удалось уснуть. Я ворочался с одного бока на другой, несколько раз выходил покурить на балкон и ложился вновь. История повторялась: с одного бока на другой и так далее. Иногда я пытался спать на спине. Не было ни голосов, ни образов, ничего такого, что могло бы не дать мне заснуть. Я закрывал глаза, которые немного пощипывало от сонливости, но я всего лишь лежал с закрытыми глазами и желанием спать. Может быть, лучше вообще не спать, чем видеть во сне собственные похороны?

Захожу на кухню и смотрю на пустой фильтр для воды. Воды в кране тоже нет, её отключили, турку наполнить нечем. Крепкий утренний кофе собственного приготовления мне не светит. Собираюсь и иду в ближайшее дешёвое кафе, чтобы выпить кофе. На улице на удивление солнечно. Небо не ясное, облака, конечно, есть, всё-таки на улице осень, а не весна. Иногда облака перекрывают солнце, и образуется тень размером с город, иногда небольшое облако проплывает не слишком крупной тенью и солнце снова меня слепит. Утреннее солнце яркое, от него болят глаза, но оно не греет, оно холодное как ветер, который

дует мне в лицо. Ветер, который бодрит лучше всякого утреннего кофе.

Утром мне звонила Ирина, спрашивала, не занят ли я завтра, не хочу ли с ней прогуляться. Она не говорила, куда мы пойдём, а я не предлагал. Фантазии не было, а выдавливать идеи из больного, не выспавшегося мозга, не хотелось. Теперь по пути в кафе мне не даёт покоя грядущая встреча с Ириной. Я ловлю себя на том, что я к ней равнодушен, я хочу её увидеть, разговаривать с ней, рассказать ей всё, что меня беспокоит, мешает жить. Рассказать ей о Нике, о Лео, о своём отце и матери, о погибшем брате, о моих походах в психоневрологический диспансер. Но я знаю, что это совсем не то, что может понравиться молодой жизнерадостной девушке в парне. Это её только отпугнёт, заставит остерегаться меня, натянуть в своём личном пространстве чёрно-жёлтую ленту, которая даст мне понять, что дальше этой границы, таким как я, вход воспрещён. Я душевнобольной, и я признаю это, не отрицаю этого. Перед собой. Этого не знают ни на работе в кофейне, ни мои соседи или друзья, разве что Костя, почти собрат по болезни. Никто, кроме моего лечащего врача, меня и Кости. Это мой секрет, тайна, которую я не хочу хранить, но вынужден, иначе получу клеймо прокажённого и лишусь работы.

В кафе за стойкой стоит молодая девушка, не

слишком ухоженная, не располагающая к себе. Тонкие редкие волосы цвета сухой травы, собранные в скудный хвост, кожа потерявшая тонус, под серыми глазами мешки. Это дешёвое кафе самообслуживания, тут нет официантов в униформе, тебе не приносят счёт, и ты не оставляешь там чаевые. Ты просто проходишь вдоль стойки, за стеклом которой лежат блюда не самого высокого качества и говоришь, что тебе положить. Тебе кладут еду, передают тарелку, и ты ставишь себе её на поднос, расплачиваешься на кассе и выбираешь любой из поцарапанных столов.

Я прошу девушку приготовить один Американо с двумя ложками сахара, к Американо заказываю картофель фри и покупаю острый соус для него. Она кладёт картофель фри на тарелку, я ставлю её на красный поцарапанный поднос и подхожу к кассе, где получаю кофе и расплачиваюсь. Сажусь за самый дальний столик, чтобы мимо меня проходило как можно меньше людей. Несмотря на то, что утром посетителей много не бывает, мне всё равно неприятно сидеть возле входа. Кафе находится на втором этаже небольшого торгового центра и занимает половину площади этого этажа. Вторую половину оккупировал книжный магазин. Окна здесь витражные, несмотря на дешевизну кафе. Скорее, витражные окна не заслуга кафе, а заслуга

проектировщиков торгового центра, а что у такого дешёвого кафе самого низкого уровня витражные окна, это воля счастливого случая. Американо в маленькой чашке не так пахнет, как должен пахнуть кофе. Аромат не крепкий, а скорее лёгкий, мимолётный. Картофель фри недожаренный, в середине сыроватый, но это не важно. Мне просто нужен утренний кофе и чем-нибудь занять желудок.

Замок щёлкает, и вот я дома. Разуваюсь и прохожу на кухню проверить воду. Вдруг удача мне улыбнулась и её включили. Тогда я смогу рассчитывать на крепкий настоящий кофе, а не полуфабрикатный аналог в дешёвом кафе. Воды по-прежнему нет. Захожу в комнату, на моём диване сидит Лео. Прохожу мимо и иду на балкон, чувствую, как он провожает меня пристальным взглядом. Жжение в затылке, сердце ускоряет темп, дыхание становится более частым. Закуриваю, стараюсь думать о заводах, которые отравляют воздух в округе, о маленьких собачках, о том, как они нелепо выглядят, когда лают на кошек. Сзади скрипит дверь и затихает так, словно её кто-то открыл и встал. Это Лео её открыл, это он стоит у меня за спиной. Затягиваюсь как можно глубже, так, что дым разрывает мои лёгкие сильным кашлем.

— Что, Ромео? Снова встретил бабу?

Романтика, цветочки и телячьи нежности? Скажи честно, тебе самому не мерзко от одной мысли, что ты сраный Ромео? — Лео стоит у меня за спиной, разговаривает со мной, а я пытаюсь убедить себя в том, что его нет. Он всего лишь отколовшаяся часть моей личности. Отколовшаяся и взбунтовавшаяся и пусть эта часть идёт к чёрту. Пусть Лео идёт к чёрту.

— Ну что ты молчишь, Ромео? Не хочешь посмотреть правде в глаза, что прожить нормально не можешь без этой романтики? — Я выбрасываю сигарету и прохожу мимо Лео. Он немного отступает, когда я выхожу с балкона. Даёт мне пройти. Это значит, что он пока не сильно окреп в моей голове. Он уже потянулся, но не до конца проснулся. Не вошёл в силу. Беру со стола пластинку трифтазина и, не запивая глотаю таблетку. Воздух вокруг меня становится густым, его тяжело вдыхать и трудно выдыхать, тело тяжелеет, но это не действие таблеток. Во-первых, так быстро они не действуют, а во-вторых это очень плохой знак.

— Всё таблеточки глотаешь? Пытаешься спрятаться от боли или от меня? Почему ты не можешь выйти один на один со своей болью, почему не хочешь хотя бы попытаться с ней справиться, а не укрываться от неё за действием этих своих лекарств? — Лео продолжает пытаться

заставить меня сказать хоть что-нибудь. Если я ему отвечу, то я признаю его существование, признаю, что его слова имеют смысл. Но его не существует и того, что он говорит, тоже нет. Всё это только иллюзия. Лео не приходил после смерти Ники. Уже три года его не было, и я надеялся, что больше он не появится в моей жизни, что моё подсознание его изжило. Но он пришёл. С каждым днём он всё сильнее, с каждой минутой он занимает всё большее место в моей новой истории болезни, которую пока не написал мой врач. Я игнорирую его, собираю все силы, чтобы сконцентрировать своё внимание на чём угодно, только чтобы этого внимания не хватило на него. Но ему всё равно, он требует, чтобы я обратил на него внимание, и он не успокоится, пока я не заговорю с ним. Я не смогу вечно игнорировать его. Он единственная составляющая моей болезни, от которой не помогают никакие лекарства. Ни транквилизаторы, ни антидепрессанты, ни нейролептики. Ничего. Он снова пришёл, чтобы в очередной раз разрушить мою жизнь. Рано или поздно он разрушит и меня самого, заполнит собой всё то, что пока ещё является мной. Это только вопрос времени. Я достаю из кармана мобильный телефон и набираю номер своего лечащего врача. Запись на послезавтра. Главное, не сойти с ума до этого момента.

Вокруг школы росли цветы, самые разные. Ни одной розы, только обычные садовые цветы, которые не нуждались в особом уходе. Я никогда не разбирался в этой садовой фауне. Там были и жёлтые, и синие, фиолетовые и белые. Не было красных, это точно. Нам с тем парнем, который тоже пострадал от озабоченности нашего преподавателя труда, пришлось долго ждать, пока закончатся занятия, чтобы свидетелей не было. Ну, или было как можно меньше. План мести от нас двоих был подготовлен, оставалось только войти в его мастерскую незаметно. Прозвенел звонок и, постепенно из парадного входа пошли школьники. Много, очень много. Сначала те, кто постарше, а за ними потянулись и средние классы. Младшие ушли ещё два урока назад.

Мы стояли поодаль, чтобы избежать возможных вопросов, почему меня не было на занятиях, а он просто не хотел, чтобы его узнали бывшие одноклассники. Он два года назад перевёлся от них в другую школу. Так он их ненавидел. Наступил момент, когда после последнего вышедшего никто не выходил в течение пяти минут. Это означало, что пора. Мы вошли и, стараясь быть неприметными, прошли до

мастерской.

Я аккуратно приоткрыл дверь, света там не горело, а значит, и преподавателя там тоже не было. Мы осмотрелись, чтобы нас наверняка никто не увидел. У меня с собой был приготовлен фонарик. Свет в мастерской включать мы не хотели. Это, как мы решили, было бы слишком смело и опасно. Нужно было сделать всё так, чтобы никто и ничего о нас не заподозрил. Мы вошли в кабинет и аккуратно прикрыли за собой дверь. Медленно, можно сказать по сантиметру в секунду дверь огибала свою дугу, перед тем как закрыться. Так сильно мы осторожничали. Когда дверь достигла точки и можно было пробираться в его маленький кабинет в мастерской, я включил светодиодный фонарь. Он давал очень яркий холодный свет, и этого хватало, чтобы не споткнуться. Я шёл осторожно, стараясь не шуметь, но и не так медленно, чтобы наверняка успеть.

— Тсс... Сюда — послышался голос из-за спины. Мой сообщник нашёл в полке очень необычный предмет для кабинета труда. Я посветил туда фонариком, это был шкафчик, прикреплённый к стене. Деревянный, окрашенный синей покрывшейся трещинами краской. Там было только две полки, на второй из них, верхней, в самом дальнем углу стояла смазка. Интимная смазка. Я сразу понял, что нужно делать. Мы готовили

красный жгучий молотый перец для того, чтобы натереть им изнутри его старую защитную маску для глаза, сделанную из чего-то напоминающего и силикон, и резину сразу. Жгучий перец решено было разделить на маску и эту смазку пополам. Я небрежно достал смазку и, держа фонарик в зубах, откручивал крышку, чтобы добраться до самой смазки, а не выдавливающего её механизма. Сообщник стоял возле входа в кабинет и слушал, не подходит ли кто к двери. Спустя минут пять подбора ловкой комбинации уверенных движений руки я открыл смазку так, чтобы потом можно было закрыть. Я щедро приправил её красным жгучим перцем. Этого было бы достаточно, чтобы стало жечь кожу, не говоря уже о той самой коже, для которой эта смазка была предназначена.

Дело было сделано и с защитными очками тоже. Оставалось только покинуть этот храм школьной педофилии незамеченными. Нам это почти удалось. Когда мы подходили к выходу из школы, меня окликнула классный руководитель. Неудивительно, я ведь сегодня не появился на уроках, а вместо этого подрабатывал на погрузке, чтобы были деньги на пиво. Уже потом, ближе к самому к плану отмщения я встретился со своим другом, своим сообщником. Как только я услышал её голос, мы сразу выбежали из школы и побежали чем дальше, тем лучше. Оставалось только ждать,

пока гормоны принудят моего преподавателя заняться плотскими утехами в автономном режиме.

13

В 15:00 возле главного театра, так мы договорились с Ириной. Я пришёл на место за сорок минут, просто делать было нечего, и я вышел раньше с расчётом, что прогулка убивает время эффективнее телевизора со скучной телепрограммой.

В лицах прохожих я то и дело узнавал Лео, на протяжении всего этого часа, в толпе я видел, как он на меня смотрит. Его тёмно-карие глаза, над ними чёрные волосы, зачёсанные направо, небольшая чёлка, немного свисающая на лоб, ухмылка, которая вызывает страх. Возможно, это просто страх, и в действительности Лео не приходил, а может быть, это пустота, которая образовалась во мне, и она заполняется страхами, видениями, ночными кошмарами. Пустота всегда чем-нибудь заполняется, ей не нужна для этого причина, она сама — причина. Лео, призрак Ники, голоса, приступы паники, это просто то, что заполняет образовавшуюся во мне пустоту. Наверное, Лео был до неё, он создал эту пустоту, расширил для себя территорию.

Только я собираюсь вытащить из кармана

телефон, чтобы посмотреть время, как на пешеходном переходе узнаю Ирину. Узнаю её такой, какой видел в первый раз. Капюшон, огненные рыжие волосы, свисающие из-под него, такие же мокрые, как в первый раз под прицелом фотоаппарата. Под мелкими каплями редкого дождя она идёт в мою сторону. Её сапоги наступают в лужи, промокая от этого ещё сильнее, а глаза смотрят на меня из тени, создаваемой капюшоном, а губы приветствуют словами:

— Привет, я хотела предложить прогуляться на мемориальный парк, ты как? Там тихо, спокойно и достаточно безлюдно. — Я соглашаюсь, и мы идёт под мелким дождём в пункт назначения. Она одета по погоде, а я нет. На мне кожаная куртка, кожаные кроссовки, которые начинают промокать и волосы на голове промокли до такой степени, что зонт теряет актуальность. Мне всё равно, оттого что я промокну, ничего плохого не случится. Совсем ничего. Я спрашиваю её, как она начала заниматься фотографией, ведь именно по этой причине мы стали знакомы. Не поворачивая лица в мою сторону, продолжая уверенный, но не слишком быстрый шаг вперёд она отвечает:

— Это долгая история, ты уверен, что хочешь её слушать? — Закончив последнее слово, она усмехнулась. Наверное, это действительно длинная история. Я отвечаю, что мы вроде не торопимся, да

и прогулка, как правило, и затевается ради длинных историй. Помолчав секунд десять, она начинает свой рассказ. — Три года назад, когда мне было двадцать, я устроилась работать в местную газету, журналистом я, в общем работала. Мне нередко приходилось помимо того, чтобы просто писать о событии, ещё и приносить с него фоторепортаж, мы его называли в редакции «фотореп». — Она достаёт из кармана тонкую сигарету и закуривает. Затягивается и, выдохнув клуб серого дыма продолжает. — Я тогда-то и начала учиться фотографировать. Если честно, у меня это плохо получалось, было сложно разобраться сразу с настройками зеркального фотоаппарата, а когда сама разобралась, то поняла, что ещё больше не понимаю, как правильно его настраивать каждый раз под освещение, чтобы фоторепортажи получались качественные. Просто если фоторепортаж был плохой, то гонорар, который тоже составлял мою зарплату, был меньше. Ты не передумал слушать дальше? — Она посмотрела на меня с улыбкой, повернувшись в пол-оборота в мою сторону, но не сбавляя шаг. Я лишь немного повернулся к ней, чуть-чуть улыбнулся, натянув выше обычного правый уголок губы и сказал, что не передумал. — Ну ладно, тогда слушай, — продолжила она. — Тогда, когда я никак не могла на ходу настраивать фотоаппарат, мне уже

нравилось получать красивые кадры. Я стала понимать, что мне нравится фотографировать хорошо не потому, что за это платят, а потому, что мне это действительно нравится. И тогда я решила записаться на курсы фотографии, чтобы научиться тонкостям этого дела. Когда я записалась, то недели две ждала, пока соберётся группа, и когда дождалась, наконец-то началось моё обучение. Если честно, первые занятия три я себя чувствовала ограниченной душой. Пара девчонок из моей группы сразу всё схватывали, а я долго пыталась разобраться в простых вещах. Потом оказалось, что я не дура, а они до этого учились. Там, на курсах, я познакомилась с Ромой, он был преподаватель. С ним вышла целая история, если честно. — Я посмотрел в её сторону, но она не заметила, она смотрела вперёд и рассказывала, даже не обращая на меня внимания. — Как-то были занятия при естественном свете. Обычно мы работали только со студийным, а тут нужно было именно с естественным светом научиться работать. Когда занятие закончилось, Рома пошёл в бар, сказал, что хочет выпить пива и так добродушно, знаешь, как старых друзей пригласил всех желающих с собой. Нас, желающих было трое: я, парень один и мужчина. Не помню, как его зовут, мужика этого, а парня звали Андрей, как и тебя. Я всё думала, что нравлюсь ему, он почти всегда после курсов

проводил меня до остановки, что-то рассказывал, а я не слушала, просто не хотела его обидеть. — Мы подошли к мемориальному парку. Арка, потом асфальтированная тропа, слева растут сосны, справа яблони, запах хвои заполняет лёгкие, но я закуриваю, и больше запахов нет.

Ноги промокли, я чувствую, как правая нога утопает в дождевой воде, но мне всё равно. Ирина, увидев сигарету у меня, тоже закуривает. Она говорит, что устала и хочет присесть. Я говорю ей: ничего не подумай такого, но давай я сяду на эту бетонную плиту, — я указываю пальцем на серую плиту, которая формой выполнена как скамейка, — но давай ты сядешь ко мне на колени, чтобы не промокнуть? Она согласилась. Она садится ко мне боком на колени, направив взгляд вправо от меня, складывает руки у себя на коленях и продолжает рассказ. — Так вот, я его обидеть не хотела, поэтому всегда слушала, кивала и улыбалась. Ну, собственно, пришли мы вчетвером в бар, Рома заказал башню пива. Мы сидели, выпивали, разговаривали, мужчина этот выпив пару кружек пива, ушел, и мы остались втроем: я, Рома и Андрей. В тот вечер мы не ограничились одной башней пива, мы выпили их две, а потом пили коньяк и не заметили, как пролетело время. До закрытия бара оставалось немного, час что ли, не помню точно. Рома предложил втроем поехать к

нему, у него ещё виски был дома, не помню какой. Он тогда ещё сказал Андрею, чтобы он обязательно поехал с нами, а то вдруг я буду думать, что он меня изнасиловать хочет, представляешь? — Я слушаю её и пытаюсь представить, как она сидит в баре, пьёт пиво со своим преподавателем, пытаюсь представить, как выглядит он, Андрей, какой тогда была она. — Ну, а дальше мы сидели у него дома и болтали. Разговор зашёл о растяжке, ну, кто на шпагат умеет садиться. Я сказала, что знаю, как можно посадить человека на шпагат за один день и показала сначала Андрею, это просто. Он тогда сел передо мной, раздвинул ноги, а я своими ногами упёрлась в его ноги и медленно растягивала, взяв его за руки. Успехи были, правда, но уже через три минуты он сказал, что это не его и как-нибудь в другой раз. Тогда тоже самое я проделала с Ромой... У него была хорошая растяжка, и я быстро растянула ему шпагат и тут, сама не помню, да и не понимаю, как так вышло, что мы с ним поцеловались. Поцелуй длился минут пять. Не знаю, как на это отреагировал Андрей, по нему никогда не было видно, что он чувствует на самом деле, но, мне кажется, это было ему неприятно. Мы с Ромой поженились через пару месяцев, а через год после свадьбы развелись. Он стал много пить, изменять мне и, я решила, что с меня хватит. Пока я была замужем за ним, он научил меня многому в

фотографии, и так я стала фотографом. Вот такая длинная история. — Я сказал ей, что история и правда, длинная, но теперь я знаю о ней больше, чем она обо мне. Она попросила, чтобы я рассказал ей что-нибудь о себе, а я не знал, что рассказать. Рассказать есть что, но этого ей знать нельзя, а из того, что можно, там нет ничего интересного. Я принялся ей рассказывать про своего преподавателя труда, как он пытался ко мне домогаться, а потом я ему отомстил. Я до сих пор помню, как он потом на уроках всё время странно ходил, такой походкой, словно что-то сильно жжёт, говорил сдавленным голосом и как-то неоднозначно на меня смотрел. Он тогда понял, что это моих рук дело, его огненная смазка, но сказать ничего не мог. Если интуиция меня не обманула, то Ирине и правда интересно было это слушать. Она отдала мне распечатанные фотографии со студии. Она хороший фотограф, и несколько моих прыщей сгинули в небытие на этой глянцевой бумаге десять на пятнадцать. Десять на пятнадцать сантиметров совершенства руками и глазами фотографа... Так мы просидели ещё около часа, потом я проводил её на остановку и пошёл пить пиво в бар, который рядом с моим домом. Я боялся, что сейчас, по пути я обязательно встречу Лео, или, скорее всего, он будет поджидать меня дома, сидя на моём диване, например. Алкоголь единственное, что безотказно избавляло меня от его

появлений. Поэтому я просто решил напиться, чем сильнее, тем лучше, прийти домой и лечь спать. Завтра мне на приём к психиатру и мне нужно дотянуть до этого приёма, не сойти с ума.

14

Скрип старой деревянной двери отделяет мир нормальных людей от мира тех, кто на грани конечной станции психоза — в психиатрической лечебнице в какой-нибудь восьмой или одиннадцатой палате. Диспансер, это как поликлиника, только для душевнобольных, вроде меня. Кафель на полу когда-то был белым, когда-то, это лет сорок назад, когда здесь делали ремонт. Сейчас это жёлто-серые квадраты потрескавшейся плитки, в трещинах грязь многолетней давности. Эти трещины всё помнят, здесь так и веет чужими воспоминаниями. В коридоре появился новый запах, сладковатый, напоминает протухшее мясо, раньше я его не замечал. Не знаю, что это за запах, но за весь мой трёхмесячный посещения этого заведения после выписки из психиатрической больницы я никогда не замечал этого запаха.

Я прохожу к регистратуре, запах усиливается, возле туалета собралась толпа. Все ждут своей очереди сбросить лишнее, но, уже пять минут очередь не сдвинулась ни на одного страждущего.

В окне регистратуры женщина говорит: кто по записи, то ваши карты у ваших лечащих врачей, идите и занимайте очередь в кабинет. Я так и поступаю и иду мимо туалета на второй этаж.

На самом деле мне гораздо короче подняться на второй этаж в нужный кабинет по другой лестнице, но всё же интересно, почему этот запах исходит от этого места общественного осквернения. Я почти приближаюсь, как туда заходят двое врачей, спустя пару минут они выносят труп вскрывшегося человека. Это молодой парень, почти мой ровесник, года двадцать четыре, он сам себе перерезал горло. Теперь я понимаю, что это за запах. Я поднимаюсь на второй этаж, выжидаю небольшую очередь и переступаю порог кабинета моего психиатра.

Напротив меня сидит врач. Лицо доктора видавшего такое, от чего у студента бы кровь в жилах могла бы заледенеть. Кожа нездорового цвета, тёмная, с какими-то пятнами, сплошь и рядом, изрезана морщинами, на пожелтевших белках глаз толстые линзы очков. Дряблые губы шевелятся:

— У тебя запись не была запланирована лечением. Я специально поставил тебя последним, чтобы разобраться, что случилось. Лео снова вернулся? — Строгий, немного напряжённый с хрипотой голос заполняет небольшой потёртый

кабинет. Когда он так говорит, я начинаю верить, что когда-нибудь вылечусь. Я отвечаю ему, что как только я встретил девушку, Лео вернулся. Ники не было, ведь я пью трифтазин, она просто галлюцинация, а Лео, это часть меня.

— Знаешь, с твоего звонка я много думал о твоей болезни... — Он открывает окно и закуривает трубку. Крепкий трубочный дым доносится до меня, пробуждая желание закурить — он понимает этого и жестом разрешает мне достать сигарету. — Слышал когда-нибудь про теорию эксперимента природы? — Я не реагирую, просто смотрю ему в глаза взглядом человека, который внимательно слушает. — Была, да и есть такая теория, что шизофрения не столько болезнь, сколько эксперимент природы по усовершенствованию человеческой психики. Представь себе, что ты в комнате, тёмной комнате и ничего не видишь. Где-то в этой комнате есть указатели, сигнальные кнопки, которые тебя пугают, но на деле они созданы лишь для того, чтобы помочь тебе включить свет. Понимаешь меня? — Я отвечаю, что не очень, он продолжает. — Так вот, в этой тёмной комнате появляется луч света, который высвечивает именно эти указатели, но твои глаза настолько привыкли к темноте, что у тебя в глазах появляется боль от такого яркого света. Конечно, на боль ты реагируешь соответствующе, приходишь ко мне и

говоришь, что у тебя болит, а я тебя лечу. Трифтазин в данном случае, это светозащитные очки, прописанные тебе мной, которые изолируют тебя от этого света, и ты перестаёшь чувствовать боль. Но проблема всё равно остаётся по ту сторону этих очков, понимаешь? Она там, за ними! — Кажется, я что-то начинаю понимать, чуть-чуть. Скорее, мне кажется, что мне кажется. — Возможно, твоя болезнь, вовсе не болезнь. Я заново изучил историю твоей болезни, ты так и не принял смерть Ники, смерть матери и не смог простить своего отца, а осадок от сексуального домогательства в школьные годы остался. Особенно это касается Ники и этого домогательства. Всё это очень тяжкий груз, который ты с собой несёшь, это та самая проблема. Она всё ещё остаётся по ту сторону очков, которые изолируют тебя от болезненно яркого света. Я думаю эти твои галлюцинации, голоса, это и есть луч этого света, который ты так избегаешь. Может быть, они хотят тебе что-то сказать? — Он очень глубоко затягивается трубкой, медленно выдыхает клубы густого дыма в окно. Мои сигареты ничто, по сравнению с его трубкой и её крепостью. — В общем, меня за это могут уволить, но я достаточно стар и уже могу в любой момент уйти на заслуженную пенсию, так что мне нет причин бояться увольнения. Андрей, твоя болезнь

прогрессирует, и если мы продолжим её лечить традиционным путём, ты просто рано или поздно станешь постоянным пациентом психбольницы. Ты там жить будешь и не по своей воле.

— Что вы хотите этим сказать, Юрий Юрьевич? — Дрожавшим голосом я спрашиваю.

— Я хочу сказать — Он вытряхивает трубку за окно и проходит за свой стол, жестом приглашает меня сесть напротив него. Я сажусь, он скрещивает ладони, смотрит на них, немного подаётся вперёд и продолжает: попробуй перестать принимать лекарства, попытайся понять смысл своих галлюцинаций, попробуй вслушиваться в голоса. Они что-то тебе пытаются сказать, это твоё подсознание что-то пытается до тебя донести, возможно, это способ избавиться от того, что тебя гнетёт и, возможно, это тебя исцелит. Пойми, это твой единственный шанс на выздоровление. — Я осторожно спрашиваю, а как быть с Лео, с ним ведь всё иначе? — Лео это часть тебя, которую ты когда-то отверг. Обрато вряд ли она захочет возвращаться, но ведь он тоже появился не просто так? Что-то в твоём прошлом заставило отслоиться часть тебя, и стать самостоятельной, заявить о себе. Подумай, возможно, в твоём прошлом прячется ответ, а может быть и оружие, как если не уничтожить Лео, то снова сделать его полноценной частью твоей личности, которая подчиняется тебе, а

не пытается подчинить тебя.

Из кабинета я вышел весь взмокший. Пот пропитал волосы, одежду, руки дрожат, ноги плохо меня слушаются. Юрий Юрьевич сказал, в случае чего, сразу звонить ему. Когда я уходил, он сказал, что это его теория, которая просто может быть правдой, но эта теория мой последний шанс. Единственный шанс. Напоследок он добавил, что берёт всю ответственность на себя и, если что-то пойдёт совсем не так, то он постарается помочь. Нужно вернуться домой, выпить немного пива и попробовать уснуть. Уснуть часов на двенадцать, выпасть из этой реальности, в которой столько нереального, существующего только в моём большом мозгу, который коверкает мою реальность. Мой последний шанс встретить свою болезнь лицом к лицу и перестать её игнорировать. Это либо меня исцелит, либо убьёт как личность. Второе в случае стандартного лечения рано или поздно мне и так гарантировано. Хотя бы один шанс из ста лучше, чем вообще без шансов.

15

Головная боль раскалывает череп пополам, в горле сухо настолько, что даже капелька влаги не осталась бы незамеченной. Первое утро после

первого вечера без трифтазина за последние дни. Вчера, не выдержав мысли, что я снова услышу эти невнятные голоса, я просто напился. Пошёл в ближайший бар и сначала пил пиво, литра четыре точно, потом заказал виски с колой, потом понизил градус. И вот они, последствия. Алкоголь надёжно страхует от галлюцинаций, но заменять им трифтазин ещё опаснее. На определённой стадии и алкоголь, как и любое лекарство, перестаёт действовать. Кофе меня не спасёт, он только усугубит ситуацию. Я нахожу у себя на кухне зелёный чай, лимон. Добавляю в кружку одну чайную ложку зелёного чая, две дольки лимона и четыре ложки сахара. Три-четыре порции такого чая и я снова в мире живых.

Как только мне стало немного лучше, чтобы чем-то себя занять, я включил телевизор. Одна бессмысленная программа за другой, мелодрама, неинтересный мультфильм, комедия без чувства юмора, передача о пришельцах. Всё не то. Ничего такого, на чём можно было бы заострить внимание. Я открываю полку в своём шкафу, где хранятся фотоальбомы и прочие мелочи. Мне попадаете записка от Ники. Она любила мне писать записки, когда я жил, утром, когда она уходила раньше меня, или вечером, если приходила, а я спал. Это была её изюминка, которую я в ней очень любил. На немного пожелтевшей, приобретшей рельеф

потертостей бумаге чёрными чернилами, которые местами уже смазались красивым, нежным почерком написано: *С праздником тебя, хоть я и знаю, что ты не любишь свой день рождения. Но я не могу тебя не поздравить, ведь я люблю тебя, ты мой смысл жизни, часть меня как я часть тебя. Подарок будет вечером, когда я вернусь, а куда я ушла, это секрет! Вот ты пока фантазируй, что я тебя подарю, а я ушла готовить сюрприз. С днём рождения тебя! Люблю тебя! Твоя Ника.*

Я держу этот кусок потёртой бумаги, и перед глазами всплывает тот день... Я проснулся часов в двенадцать, Ники рядом не было. Я точно помню, что с вечера она меня не предупредила, что куда-то уйдёт, но она ушла, и я не знал, куда именно. Я неторопливо встал с кровати и пошёл на кухню варить кофе. На кухонном столе лежала эта записка, я её прочитал и невольно улыбнулся. Это был мой день рождения, двадцать девятое июля, и я его не любил. Я не понимал, почему именно в эту дату я должен был радоваться тому, что эта дата просто совпадает с той, когда я появился на свет младенцем в роддоме. Но Ника оставила эту записку, и я был рад тому, что, не смотря на то, что я не люблю этот праздник — она меня поздравила. Мне стало тепло на душе, восторг ожидания, священный трепет, словно в детстве.

Я пытался представить, как она ходит по торговым центрам, чтобы выбрать для меня подарок. Выбрать не просто подарок, чтобы подарить, а чтобы действительно порадовать меня, чтобы мне не пришлось улыбаться только потому, что так надо, а чтобы я искренне радовался. Я любил в ней это. Она никогда ничего не делала только потому «что так надо», если она что-то делала, то искренне, от всего сердца, и точно также неподдельно она могла просто ничего не делать и в этом тоже была своя искренность. Я бережно держал эту записку в руке, потом она отправилась в небольшой альбом, в котором я хранил записки от неё. Я пил кофе и думал, что она мне подарит. Я хотел ей позвонить, чтобы попросить ничего не покупать мне, но знал, что она всё равно сделает по-своему и поэтому не стал этого делать, не стал набивать себе цену. Пока я сидел дома за телепередачами, мне позвонил отец и сухо вато поздравил меня. Он это сделал только потому, что так надо. Он всегда всё делал только поэтому, «так положено», «так принято», это всегда были основные двигатели его жизни. Он был военный, а это была профессиональная черта. Так положено, иначе никак, иначе он не стал бы тем, кем он стал. Меня поздравил Костя, а я хотел, чтобы мне позвонила мама. Но в рай телефонию не провели. Я вспоминал, как в детстве она поздравляла меня с

днём рождения, всегда сама готовила торт, оригинальное поздравление. Она никогда не повторялась. Наверное, я не любил свой день рождения именно потому, что мне не хватало поздравлений от мамы. Мне кажется, Ника это понимала и поэтому старалась сделать для меня что-нибудь особенное, или мне просто хотелось так думать, что она делала это именно потому, что знала, как мне не хватает поздравлений от мамы. Вечером она пришла с большой коробкой, усадила меня на стул, нежно прошептала на ухо: закрой глаза. Я закрыл и улыбался, я не мог не улыбаться, улыбка сама собой вырисовывалась на моём лице. Когда она сказала открыть глаза, то передо мной стояла огромная коробка с деталями, которые я потом должен был превратить в крепость. Расставить воинов, сложить все части этой крепости. Она знала, как я любил не только архитектуру средневековья, но и любил собирать эти крепости, потом тратить вечера на то, чтобы всё это раскрасить. Ника нередко помогала мне раскрашивать эти модели замков, крепостей, она была художница, у неё это лучше получалось.

Я держу в руках этот день, потёртую пожелтевшую бумагу со смазанными чернилами. Примерно пятнадцать сантиметров на восемь, несколько строчек текста, но это целый эпизод моей жизни, который сейчас стекает по моим

щекам солёной водой. Я подкуриваю сигарету и выхожу с этой запиской на балкон. Втягиваю дым, слезы отступают. Я всегда стыдился этой своей чувствительности. Я признаю, что до сих пор люблю Нику, и иногда мне очень больно, что её больше нет в живых. По моей вине. Пламя зажигалки медленно подходит к уголку этого дня, огонь схватывается и расползается по квадратным сантиметрам прошлого. Он съедает сначала последние строчки, потом добирается до первых. Целый эпизод моей жизни, ниточка, которая связывает меня с Никой, сгорает, и свежий пепел подхватывает ветер и уносит куда-то в небытие. Я должен с ней попрощаться, избавиться от напоминаний о ней в своей жизни, я должен отпустить её в своих мыслях, другого выхода у меня нет. Иначе я сойду с ума, если уже не сошёл.

16

Солнце вынуждает меня открыть глаза. Яркие лучи небесного светила греют меня, и это утреннее тепло ещё сильнее клонит меня в сладкий сон. Я слышу лёгкое, но ритмичное постукивание по стеклу. Открываю глаза и вижу, как десятки, сотни капель стекают по нему, превращаясь в радугу.

Дождь в солнечное утро очень редкое явление. Сонливость постепенно покидает меня, а я

смотрю на эти мокрые от дождя стёкла и улыбаюсь красоте. Я так давно не видел чего-то по-настоящему красивого. Это действительно настоящая красота, созданная кем-то задолго до появления человека. Тысячи маленьких капелек разбиваются о стекло, раздробляясь в десятки тысяч и медленно по нему стекают. Не успевают одни достичь низа окна, как их по пути подбивают другие.

Ника приносит мне кофе в постель, я смотрю на неё и пытаюсь понять, она ли это. Я себя чувствую как во сне, что сейчас всё оборвётся, я открою глаза и окажусь в своей пустой комнате. Пустой, и покрытой слоем пыли скрытым темнотой. Ника мне улыбается, чёрные пряди свисают до подбородка, она неподдельным голосом спрашивает:

— Ты что, откажешься от утреннего кофе? А для кого я старалась? — Я, молча улыбаясь, беру чашку кофе, отпиваю. Вкус настоящий, крепкий кофе, как она всегда мне готовила, чашка немного обжигает, кончик языка тоже обжигается. Всё настоящее. Она снова спрашивает меня:

— Тебе что, сон дурной какой приснился? Ты на меня как на привидение смотришь! — Последнее она произнесла с какой-то двойной иронией, и обида и усмешка одновременно. Я не знаю, что ответить, я не в состоянии сказать хоть что-то.

Меня не покидает чувство, что мне всё это снится, что это всё ненастоящие, это кино, мелодрама, которую мне показывает моё подсознание, пока я сплю в своей пыльной комнате. У меня робко, запинаясь на каждом слоге и словно продумывая каждое слово, удаётся ответить только:

— Вроде того... Ты что-нибудь готовила на завтрак? — Каждая секунда длится час, медленно, время не спешит убежать, секундная стрелка часов не торопится обогнуть свою орбиту. Я осматриваюсь, пытаюсь уловить хоть что-то, что выдаст сон, увидеть хоть что-то ненастоящее. Мне не удаётся этого.

— Через пятнадцать минут жду на кухне и без опоздания! — Она целует меня в щёку и уходит. Это настоящий поцелуй. Тёплые, мягкие губы, немного влажные... Я чувствую, как на щеке осталось немного влаги от её губ. Я прикладываю к щеке ладонь, сам не знаю зачем, но чувствую, что это на самом деле. Я встаю и выхожу на балкон, открываю окна, и холодные капли дождя покрывают моё тело. Каждая капелька маленькой ледяной иголочкой вонзается в меня, а потом стекает, создавая колею холода. Их десятки, сотни. Тело покрывается мурашками, я чувствую, как сердце ускоряет свой темп, утренняя свежесть, прохлада. Я всё чувствую как наяву, это и есть, наверное, явь. Миллионы дождевых капель создают

радугу, я вижу её, она стоит над городом, я почти промок, пол на балконе тоже. Тёплые лучи солнца согревают, а капли дождя жадно отбирают это тепло, бомбардируя меня своим холодом, свежестью. Это самый утренний дождь, который я чувствовал своим телом, это самое настоящее солнце, которое меня согревало сквозь дождь.

Я аккуратно прикуриваю сигарету так, чтобы капли дождя не потушили её. Вдыхаю дым. Чувствую горечь, тяжесть, ощущая, как он проходит по трахее, немного обжигая её, заполняет грудь, а потом я выдыхаю его через ноздри. Наступает лёгкое головокружение, приятное чувство утренней сигареты. Его невозможно подделать. Сзади подходит Ника, обнимает меня, прижимается щекой к моему плечу. Я чувствую её теплую щёку, нежную, гладкую кожу, почти бархатную. Одной рукой она обнимает меня через правое плечо, положив кисть мне на грудь, а второй обхватила меня за пояс. Тепло её рук немного пьянит, я даже чувствую её пульс, её дыхание, я слышу, как она дышит. Спиной чувствую биение её сердца. Когда я поворачиваю голову и целую её в губы, биение сердца ускоряется, она продолжает поцелуй и уже одной рукой держит меня за затылок, а второй за пояс. Я чувствую её нежные губы, влажный язык, тепло её тела, биение сердца. Мы медленно идём к постели, она падает спиной на

кровать и тянет меня за собой. Я целую её бархатную шею, она крепко меня обнимает, руки скользят по мне, ногти немного царапают. Она сама стягивает с себя футболку, остаётся в одном лифчике и целует меня в губы.

До меня доносится запах дыма, горький и едкий. Я прерываю нашу прелюдию, спрашиваю:

— Ты чувствуешь? Что-то горит? — Она переводит взгляд и смотрит мне в глаза:

— Да, это наша с тобой жизнь сгорает, пожар поздно тушить.

Я открываю глаза — всё в огне, каждый вдох обжигает дыхательные пути, словно я вдыхаю огонь. Глаза слезятся, и всё превращается в красно-оранжевое месиво. Если бы у воздуха был цвет, то он был бы красным.

Я встаю, пытаюсь метнуться к балкону, но шкаф упал прямо посередине комнаты и перегородил путь. Перепрыгнуть не удастся, пламя там до потолка. Пепел заполняет ноздри, я высмаркиваюсь и вижу в руки комки пепла, вышедшие из моего носа.

Огонь подбирается ко мне, я чувствую жар, глаза высыхают, волосы чудом не плавятся. Я бросаюсь в сторону коридора, горящая дверь преграждает мне дорогу. Эта диагональ горячей древесины единственная преграда между мной и жизнью. Собравшись силами, я сбиваю её ногой,

кажется, я обжѣгся, но не сильно. Я немного приподнимаю эту дверь остатками от дверки шкафа, которая чудом не вспыхнула, и мне удаётся откинуть её в сторону, как только я собираюсь сделать шаг в сторону двери, меня отбрасывает взрывной волной прямо в ванную. Это взорвалась кухня.

Газовая плита и пожар крайне опасное сочетание. Я ударяюсь о стену покрытую кафелем, но я уже не чувствую боли, я встаю, обжигаюсь о раскалённую плитку и пытаюсь выйти к выходу, но в языках пламени передо мной предстаёт Лео:

— Всё бежишь, трус? Боишься принять смерть такой, какая она есть? Беспощадной? Ради чего ты жить собираешься? Признай, твоя жизнь давно не имеет смысла. — Я отвечаю ему:

— Да пошёл ты! — Отгалкиваю его ногой подальше в пламя и с разбегу пытаюсь выбить входную дверь — она железная, а я наивный. Я падаю возле двери, опёршись спиной о пока ещё не разгорячённое железо, достаю из кармана сигарету и закуриваю в ожидании момента, когда я умру. Если я буду курить, то у меня больше шансов потерять сознание от кислородного голодания и безболезненно умереть, чем стореть заживо. Огонь медленно поглощает коридор, добирается до шкафчика, на котором стоят всякие безделушки вроде гуталина, губок и гидрофобных спреев для

обуви. Один из баллонов нагревается, ему выбивает дно, и он летит куда-то в сторону кухни. Голова кружится, языки пламени становятся менее различимыми, центр притяжения куда-то смещается, и я падаю на бок. Попытки с третьей я достаю ещё одну сигарету, чтобы усилить кислородное голодание и просто заснуть.

Я не хочу сгореть заживо, это слишком больно. То что я этого не переживу, можно не уточнять. Из огня выходит Лео, садится передо мной на корточки, молчит и ядовито улыбается. Я знаю, что он чувствует. Он наслаждается моими страданиями, моей болью, для него это как доза для закоренелого наркомана. Порция страха, боли и отчаяния, это как раз то, что ему нужно для такой улыбки.

Пламя проходит сквозь него, но он не горит. Правильно, его не существует, он только плод моего больного подсознания. Часть меня, которая меня ненавидит. Очертания Лео сливаются с очертаниями огня, очертания огня сливаются со всей окружающей картиной в одно желто-красное месиво, я чувствую, как сознание покидает меня, но какая-то ниточка его ещё удерживает. В жёлто-красном месиве появляется белый цвет, он заполняет собой все эти тона огненной геенны, и под ними показываются очертания чёрных обгоревших вещей. Глаза сами собой пытаются

закрыться, но я машинально не даю им этого сделать, я не закрою глаза, пока Лео на меня смотрит. Он поворачивается в сторону:

— А ты везучий, гадёныш, — и уходит куда-то в не затушенное пламя. Передо мной появляется человек в огнеупорном костюме, смотрит на меня, а потом громко кричит:

— Живой! — Мои глаза закрываются, сознание берёт тайм-аут, теперь можно, я в безопасности.

17

Психолог говорит, что со мной всё в порядке и возвращается в машину скорой помощи, которая приехала по идее найти мой обгоревший труп. Пожарные выходят из подъезда, один из них выражает мне своё сочувствие, хлопая меня по плечу, соседи вокруг что-то бубнят. Они утверждают, что это я виноват в пожаре, что я психически больной, что я вообще лежал в психбольнице и состою там на учёте. Они говорят пожарным, что это я сам поджёг свою квартиру. Я же душевнобольной, а какой душевнобольной не поджигает свою квартиру ночью часа в три?

Психолог мне говорит, что я должен в течение трёх дней явиться на осмотр к своему лечащему психиатру, если я действительно состою там на

учёте. Я отвечаю ей: да, конечно, у меня сгорела квартира, а я должен идти записываться к психиатру. Она мне отвечает, что это обязательно, что он мне поможет справиться с моими трудностями, обязательно поможет. Психолог, молодая девушка с русыми волосами и голубыми наивными глазами. По ней прекрасно видно, что, услышав наличие моей карточки в психоневрологическом диспансере и факт того, что однажды я лежал в психбольнице, она видит перед собой такого карикатурного пациента со скудными умственными способностями. Я пару секунд сдерживаю подступающий адреналин, но быстро даю выйти пару:

— Девушка, я псих, а не идиот, я сам разберусь, когда и к кому мне идти на приём, у меня сейчас есть более серьёзные проблемы, понимаете? — Эти слова меняют её лицо, наивность сходит с её миловидной физиономии и она холодным голосом, каким обычно психиатр выносит приговор о принудительном лечении, почти по слогам произносит:

— Если вы продолжите такое поведение, я буду вынуждена принудительно вас госпитализировать. — Я молча достаю сигарету и делаю с ней то, что обычно привык — закуриваю. Девушка с уже не наивными глазами уходит в машину скорой помощи, а я смотрю в окно, из

которого недавно валил дым.

Выгоревшие рамы, разбитые пожарными окна, чтобы затушить пожар... За этими обгоревшими окнами прошли четыре самых счастливых года моей жизни. Четыре года, когда я не видел отца и жил с Никой. Четыре года, когда я не слышал голосов, когда я забыл о Лео... Четыре года — вся моя жизнь. До этих четырёх лет я не жил. Я ходил на работу, но я не жил по-настоящему. До этих четырёх лет я был знаком с Никой, но я не был с ней, хоть и любил её с пятнадцати лет, когда впервые встретил... Так странно, я любил её пять лет, прежде чем она полюбила меня. Я часто её видел на всяких мероприятиях вроде музыкальных вечеров, или чего-нибудь вроде квартирников. Но потом, спустя пять лет, как я её увидел и познакомился ближе сидя за одним столом и попивая чай с другими такими же людьми как мы, которые сюда пришли пообщаться, у нас начались отношения. Это был вечер песни. Я тогда любил ходить на всякие «вечера песни» и другие безалкогольные мероприятия, когда мне просто хотелось спокойно провести время. Когда я хотел напиться, я ходил в рок-клуб и напивался. Был очередной вечер песни», гитара шла по кругу, одна на всех. Дошла очередь до меня, меня все просили что-нибудь сыграть, а я никак не мог сообразить, что именно. Я просто взял

в руки гитару и руки сами собой начали наигрывать песню... Я тогда сыграл «Antimatter-Conspire», это была очень грустная песня, об одиночестве. О том, как человек совершенно один в плену собственного дома и не имеет надежды на спасение... Я тогда поймал на себе взгляд Ники, она смотрела на меня и внимательно вслушивалась в каждую ноту, которую мои руки высекали из старых струн потёртой гитары, вслушивалась в каждое слово, которое я произносил в такт музыке... Она мне тогда сказала, что её тронула эта песня, а я сказал, что рад, что её это тронуло, значит, я неплохо её сыграл. Мы с ней тогда весь вечер разговаривали о всяких мелочах, глупостях... Потом я её провожал домой и мы пошли длинной дорогой, чтобы подольше поговорить, а когда я, наконец, довёл её до её дома, я обнял её, и она ответила объятиями.

Мы так простояли минут десять, а потом, сам не знаю, как так вышло, я поцеловал её в губы и она не сопротивлялась. Не сопротивлялась все три минуты, а потом ушла домой. Через три месяца безоблачных отношений, встреч и прогулок она переехала ко мне. Сейчас всё это выходит полупрозрачным дымом из обгоревшего окна. Моя жизнь, её жизнь... Глаза, которые недавно были высохли от огня, сейчас стали мокнуть, щипать, я чувствую, как на щеках образуются влажные линии, чувствую, как в горле появляется ком,

тонкая иголка проходит через самую грудь, пронзает сердце и вонзается в этот ком. Я не сдерживаюсь, падаю на асфальт и плачу навзрыд. Мне всё равно, что обо мне подумают, безразлично, кем сочтут.

Только что сгорели лучшие годы моей жизни, те годы, когда я был по-настоящему живым... Выпустив всю боль наружу, и отвернувшись от косых взглядов соседей, которые только и ждут момента, когда я начну кидаться на людей. Ведь я лежал в психбольнице принудительно. Я достаю свой телефон и звоню Ирине:

— Привет, я понимаю, четвёртый час ночи не лучшее время для встречи, но можно я приеду сейчас к тебе? Моя квартира сгорела. — После слова «сгорела» она быстро просыпается и говорит, чтобы я срочно ехал к ней, что она поможет всем, чем сможет, называет адрес, и я вызываю такси.